

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ САМУРАЯ

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Последняя любовь Самурая

«ЭКСМО»

2007

Полякова Т. В.

Последняя любовь Самурая / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2007 — (Авантюрный детектив)

ISBN 978-5-699-23225-3

Она познала многое... Надежду и разочарование, бедность и богатство... Но деньги не принесли счастья, ведь счастья не бывает без любви. А без нее, в свою очередь, жизнь не имеет смысла! Лишь когда Селина познакомилась с Кириллом, она поняла – эта встреча предчувствие чего-то значимого в ее судьбе. Кирилл оказался гениальным вором. Он сказал, что ждет в этом городе своего друга по прозвищу Самурай, которому должен помочь. Он втянул ее в криминальную авантюру и вскоре погиб – умер у нее на руках. А она осталась ждать Самурая, чтобы завершить то, что так и не успел сделать Кирилл...

ISBN 978-5-699-23225-3

© Полякова Т. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Полякова Последняя любовь Самурая

*На волке верхом
Ехала в сумерки
Та, что хотела
Стать его спутницей;
Знала она,
Что смерть ожидает
Сигрлинн сына
На Сигарсвеллире.
«Старшая Эдда»*

Труп был тяжелым. Я попыталась ухватить его за ноги, услышав грозный окрик: «Шевелись», но они непостижимым образом выскользнули из моих рук, и я с тихим стоном опустилась на землю. Да, прятать трупы нелегкая задача. Не дожидаясь вторичного окрика, я все-таки вскочила, вновь ухватилась за ноги и, тяжело дыша, сделала первые несколько шагов, радуясь, что в темноте не могу видеть лица покойника.

Я споткнулась и едва не упала, но на сей раз ног не выпустила, удивляясь крепости собственной нервной системы. За последние два часа я как минимум трижды была обязана грохнуться в обморок, а ничего, бегаю. Трупы прячу. «Как такое могло произойти со мной?» – задала я себе риторический вопрос и вздохнула.

Моя жизнь обещала быть по всем статьям ничем не примечательной. Родилась я в маленьком районном городке, который с трудом насчитывал шестьдесят тысяч жителей. Конечно, не деревня, но близко к этому. Моя мама произвела меня на свет в семнадцать лет, едва успев окончить школу; отца своего я не знала, подозреваю, что на этот счет дела у матери обстояли не лучше, то есть и она толком его не знала. По крайней мере, я слышала три разные версии моего счастливого зачатия, где главными действующими лицами попеременно были то известный актер, то футболист, то рок-музыкант, тоже, разумеется, известный. У моей тетки была своя гипотеза тех событий, а число кандидатов на отцовство у нее сократилось до двух: первый был солдатом срочной службы, с ним мама крутила любовь целых полгода; второй – парень с соседней улицы, жуткая шпана, который сел в тюрьму раньше, чем его успели призвать в армию. В родной город он более не вернулся и, по мнению той же тетки, давно сложил буйную головушку в пьяной драке или умер от чахотки. Кстати, эта самая чахотка всецело занимала мое воображение в детстве, я мысленно видела своего отца в мрачном подземелье, прикованным к стене цепью. По стене стекает вода, образуя лужи на каменном полу, а мой отец надсадно кашляет и в конце концов испускает последний вздох.

Собственно, история моего рождения была самым интересным эпизодом моей жизни, может, поэтому отец в детстве и являлся мне в декорациях фильмов по романам Дюма.

Благополучно разрешившись от бремени, мама оставила меня на попечение своей сестры, старой девы тридцати семи лет. Та была дочерью ее отца от первого брака, и они не особенно друг друга жаловали, да и знакомы были не очень хорошо в силу двадцатилетней разницы в возрасте. Ко всему прочему, сестра жила в поселке неподалеку от нашего города, так что их встречи были не частыми. Однако после смерти моей бабки Люба, так зовут мою тетку, переехала в город, чтобы взять на себя заботу о своем отце и сводной, тогда десятилетней, сестре. Собственно, она заменила ей мать. Через пять лет умер отец, и они остались вдвоем на всем белом свете. Мать Любы умерла еще раньше, чем моя бабушка. А потом родилась я, и мама, ежедневно рыдая от обрушившегося на нее счастья, вспомнила, что в первом классе у нее была

пятерка по математике, и бросилась поступать в техникум (на институт она не замахивалась, пятерки у нее особо не водились). Техникум находился в областном центре, откуда мама уже не вернулась. На втором курсе она вышла замуж, забыв рассказать супругу о моем существовании. После регистрации она решила с этим тоже не спешить и в конце концов пришла к выводу, что ставить его в известность обо мне вовсе ни к чему, оттого в редкие наезды мамы я называла ее тетей Ниной, а тетю Любу, соответственно, мамой. В детские мозги это вносило некоторую сумятицу, и я лет до девяти толком не могла разобраться ни с мамами, ни с отцами.

На момент начала этой истории мать жила в Ульяновске, обремененная тремя детьми и вечно нетрезвым мужем, жаловалась на хроническое безденежье и уже лет семь как нас не посещала, забывая отвечать на письма. Телефона у нее не было, так что о ее жизни мы с тетей Любой имели довольно смутное представление.

Тете Любе уже было около шестидесяти, окружающий мир вызывал у нее стойкое отвращение, и она мечтала уйти в монастырь. Дело было за малым: оказалось, что в монастырь уйти не так просто, то есть с пустыми руками берут туда весьма неохотно, и тетка вела подвижническую жизнь в миру, гневно критикуя «прощелыг и выжиг, окопавшихся в церкви». Несмотря на суровый теткин нрав и неумную тягу к обличению несправедливости, мое детство можно назвать вполне счастливым. Я, как водится, переболела ветрянкой, корью и ангиной, громко читала стихи про Мишку, взгромоздясь на стул, в положенное время отправилась в школу и с отличием ее закончила, не очень напрягаясь. В девять вечера по установленному порядку я молилась вместе с теткой, после чего она отходила ко сну, а я читала и предавалась мечтам.

Мои мечты ничего общего с реальной жизнью не имели, и уже лет в двенадцать я поняла, что либо мечтать надо о чем-то другом, раз пираты, мушкетеры и прочие романтические персонажи канули в небытие, либо нужно смириться с тем, что мечты мои никогда не осуществятся. Я смирилась, нимало не печалась, и продолжала мечтать в свое удовольствие.

После окончания школы я хотела пойти работать, не желая сидеть далее на теткиной шее, но тетя Люба заявила, что спит и видит меня учительницей, так как некогда об учительстве мечтала сама, однако различные жизненные трудности помешали ее мечте осуществиться. Чтобы сделать ей приятное, я стала готовиться к поступлению в педагогический институт, но его в нашем городе не было, и я, с благословения тетки, отправилась в областной центр. Моей покладистости сильно способствовал тот факт, что в жизни тетки к тому моменту появился некий святой старец, а с моей точки зрения, просто бомж. Маленький юркий мужичок с бородой лопатой, которого Люба разместила в своей квартире. Старец последние тридцать лет нигде принципиально не работал, а теперь все свое время посвящал душеспасительным разговорам и диспутам с теткой на маловразумительные богословские темы, что наполнило ее жизнь давно ожидаемым смыслом. Она тихо радовалась своей миссии (взвалив на свои хилые плечи заботу о «святом» человеке), и мне показалось, что мое присутствие ее понемногу начало угнетать.

Послушав однажды очередную проповедь старца, который утверждал, что Христос вовсе не был богом, а природа его целиком и полностью человеческая, я сдуру брякнула, что это альбигойская ересь. Обалдение на лицах дискутирующих было ложно принято мною за неподдельный интерес, и я увлеченно рассказывала минут пятнадцать о катарах и Крестовом походе против них, о последней твердыне и прочем, пока не схлопотала от тетки полотенцем. Физическое воздействие сопровождалось словами «больно умная стала», после чего я была зачислена в стан идеологических врагов, и благословение мое на учебу в областной центр вышло не очень трогательным, но поспешным.

В институт я поступила, устроилась на работу, потому что была приучена есть трижды в день, и последующие четыре года прошли быстро, без значительных событий и волнений.

Жила я в общежитии и делила комнату с тремя девчонками из таких же районных городков, как и моя малая родина. Девчонки мечтали поскорее выйти замуж, мысль вернуться в

родные пенаты их откровенно пугала. Мне же, по большому счету, было все равно, раз мои собственные мечты были неосуществимы как здесь, так и там, однако в беседах на излюбленную тему я принимала весьма деятельное участие, слушала откровения подруг, дважды пыталась влюбиться сама и дважды с печалью констатировала, что это мне не удалось, то есть те чувства, которые я в реальности испытывала, были далеки от тех, что я к тому моменту успела себе напридумывать. Девчонки критиковали меня за дурной характер, излишнюю разборчивость и предрекали гневливо любовь к какому-нибудь прохвосту, с которым я буду мучиться всю жизнь. Такая перспектива не очень меня пугала, потому что к тому времени я начала опасаться вовсе никогда не влюбиться. Если учесть, что все мои мечты были об этой самой любви, мое горе от данного открытия не знало границ.

- Ты бесчувственная, – говорила одна подруга.
- Эгоистка, – вторила ей другая.
- Ты расчетлива и коварна, – вступала третья, и все вместе дружно заявляли:
- Выйдешь замуж за олигарха, – чем ставили меня в тупик.

Олигархи меня волновали мало, являясь существами из другого мира, еще более фантастического, чем тот, в коем обитал возлюбленный моей мечты. Однако, встретив свое двадцатилетие, я начала беспокоиться: в моем возрасте положено влюбляться, а сердце при взгляде на парней не екает, физиономия не бледнеет и руки предательски не дрожат. Бог знает откуда я это взяла, но свято верила, что эти три признака свидетельствуют о внезапно нагрянувшей настоящей любви.

С точки зрения многочисленных подруг и друзей, я была красавицей, но сама соглашаться с этим не спешила, вынеся из долгих бесед с теткой убеждение в том, что человек прежде всего красив душой, а моя была за семью печатями. Эгоизм и бесчувственность, в которых я сама уверилась, отнюдь меня не красили, так же, как старые кроссовки, в которых я ходила зимой и летом, всесезонная куртка на рыбьем меху и две пары джинсов сомнительного происхождения. В общем, с моей точки зрения, я мало походила как на романтическую красавицу, так и на глянцевого дива со страниц журналов, и посоветовала себе скоренько найти какой-то смысл в существовании, раз уж с любовью ничего не выходит.

Смысл в руки не давался. Сдав летнюю сессию, я отправилась к тетке в родной Усольск, потому что летом в общагу заселялись абитуриенты, а более податься мне было некуда.

Тетка встретила меня ласково, святой старец отсутствовал. Я очень удивилась, не обнаружив его возле окна, и даже испугалась, не случилось ли с ним чего худого; тетка делала вид, что его здесь вовсе не было, и это заинтересовало меня. Через пару дней соседка донесла, что старец, утомившись богословскими беседами, сбежал от Любы и теперь живет с Тамаркой Рогозиной, разбитной девахой лет тридцати, и помогает ей торговать на рынке. Тетка предала его анафеме и с прежним пылом мечтала о монастырской жизни.

– Тебе надо выйти замуж, – со вздохом сказала мне она. – Не то будешь, как я, одна весь век вековать. Хорошо хоть мне мать тебя подсунула, а то и похоронить бы меня некому было.

Я заверила тетку, что непременно ее похороню, как только она будет к этому готова.

Весь следующий месяц в нашу квартиру вереницей шли женихи. Бог знает откуда их брала тетя Люба, но они неизменно появлялись практически каждые три дня, чинно пили чай на кухне и взирали на потенциальную невесту с сомнением. Тетка меня, в отличие от других, красавицей не считала. А женихов подбирала по принципу «лишь бы человек был хороший». Хороший человек, с ее точки зрения, – непьющий или пьющий умеренно, таких в нашем городе набралось не так много, и по истечении месяца кухня начала пустовать, что тетку очень огорчало.

- Неужто никто не понравился? – вздыхала она.
- Я качала головой.
- А Коля, Анны Михайловны сынок?

Сынку Анны Михайловны было лет тридцать пять, и на смотрины он пришел вместе с мамашей. Та, взглянув на меня, сказала:

– А чего худющая такая?

– Да она не ест ничего, – запричитала тетка, косясь в мою сторону, то ли оправдываясь, то ли давая понять, что в новой семье я никого не объем.

Коля хмыкнул и заявил:

– Кости есть, а мясо нарастет, – чем сразу же завоевал мою признательность.

Был он невысок, упитан, ходил с золотой цепью на шее и на всех смотрел исподлобья. У них с матерью было два продуктовых магазина, и по местным меркам они считались олигархами.

Выпив чаю, мамаша отбыла, еще раз хмуро взглянув на меня, сынок, задержавшись у дверей, сказал сурово:

– Ну, что, вечером куда-нибудь выползем?

Я выдала свою лучшую улыбку и шепнула ему в ухо:

– Иди в жопу.

После чего он поспешно удалился, бормоча под нос что-то непристойное. Это был последний претендент на мою руку. У тетки началась затяжная депрессия, а у меня спокойная жизнь, которую ничто не нарушало. Временами тетя Люба, правда, жаловалась:

– Это все из-за твоего имени, – выдвинула она очередную версию моей неудачно складывающейся личной жизни. – Имя накладывает отпечаток на судьбу человека. Чего ты ухмыляешься? Это известный факт, я в журнале прочитала. Поэтому раньше детей называли по имени святого, в чей день они родились. А твоя мамаша чего натворила? Назвала тебя дурацким именем, которого ни в каких святцах не сыщешь. Не удивлюсь, если оно какое-нибудь языческое или нет такого вовсе, и эта вертихвостка его сама придумала.

Мама назвала меня Селиной, и это был ее единственный вклад в дело моего воспитания. Тетка предпочитала звать меня Нюсей, и я долгое время считала, что это и есть мое имя, пока в детском саду мне не открыли глаза на то, что я заблуждаюсь.

Обладание редким именем не сделало меня счастливее, зато, безусловно, закалило характер. В школе, правда, стало легче, со мной учились две Дианы и одна Снежана. К десятому классу, когда я, по общему мнению, стала красавицей, нашлись даже завистницы, испытывавшие горькое сожаление оттого, что их собственные имена звучали вполне традиционно.

Где-то классе в третьем я прочитала свое имя наоборот, то есть Анилес, и решила, что в нем есть нечто волшебное, и с той поры довольно долго именно так мысленно себя и называла, воображая себя то феей, то принцессой, которую заколдовала злая ведьма. Это невероятно скрашивало мою ничем не примечательную жизнь, так что, по большому счету, маме следовало сказать спасибо.

Тетка уже давно вышла на пенсию, отработав двадцать пять лет на кирпичном заводе, но продолжала трудиться, справедливо полагая, что на пенсию особо не разживешься. В то лето трижды в неделю она убиралась на «богатых дачах», как тетя любила выражаться. Собственно, с одной из этих дач и началась моя история, которая завела меня довольно далеко от уготованной мне судьбы – сеять разумное, доброе, вечное.

Итак, дача. Ничего особо примечательного в ней не было, если не считать бассейна, но этим кого сейчас удивишь? Но моей тетке, помышлявшей о монашестве и искренне считавшей, что на сто тысяч рублей можно прожить всю жизнь ввиду явной запределности этой суммы, дача казалась сосредоточением порока, ярким представителем которого являлась хозяйская дочь Катерина.

Сами хозяева жили в областном центре, на даче появлялись редко, Катерина же бывала здесь почти каждый выходной и непременно с друзьями. Друзья исправно напивались, устраивали фейерверки и плюхались в бассейн, оглашая округу разноголосыми воплями. Соседи с

томлением ждали, что произойдет скорее: спалят они дом по пьяному делу или утопнут. Так как дом стоял на отшибе, и тот и другой сценарий был гражданам одинаково симпатичен.

Катерине исполнилось двадцать пять лет, она окончила столичный вуз, после чего вынуждена была вернуться в отчий дом по настоянию отца, который полагал, что ничего хорошего от ее жизни в столице ждать не приходится. Катерина трудилась в фирме родителя, дела на личном фронте у нее не складывались, многочисленные приятели не задерживались, и через каждую пару недель она появлялась в новой компании. Все это я знала из рассказов бывшей одноклассницы, чей дом был неподалеку от этой дачи. За тем, что происходит за кирпичным забором, она зорко следила из своего чердачного окна с биноклем наперевес и доверительно сообщала мне, зло посмеиваясь, однако не без зависти к Катерине. Дом одноклассницы был расположен ближе всех к пресловутому особняку.

Приехав на каникулы, я решила, что, раз мне особо занять себя нечем, следует помочь тетке, и трижды в неделю уборки у богатей теперь проводила я. Дачи находились в двух километрах от городка, в поселке Дружба, который скорее являлся пригородом. Дом, где любила отдыхать Катерина, как я уже сказала, стоял на отшибе, практически в лесу, в живописном месте. Добиралась я туда на велосипеде, очень популярном в нашем городе виде транспорта.

В тот день я отправилась туда часов в десять. Погода была прекрасная, и я решила, что если мне повезет и с уборкой я справлюсь где-то к обеду, то будет шанс прокатиться на речку. Ни с хозяевами, ни с их дочерью я до тех пор ни разу не встречалась, за домом приглядывала соседка, мать той самой школьной подруги, у нее были ключи, она открывала мне Катеринин дом и принимала работу. Я, как обычно, подъехала к подружкиной калитке и, не слезая с велосипеда, нажала кнопку звонка. На крыльце появилась моя одноклассница.

– Привет, – сказала она весело. – Приехала? А тебя уже ждут.

– Кто? – удивилась я.

– Катка. Они лопали всю ночь, к утру только разъехались, в доме, поди, свинарник, вот она мамке и звонила, спрашивала, когда уборщица придет.

– А-а... – протянула я.

– Ты, когда закончишь, заходи к нам, поболтаем.

Я кивнула и поехала дальше. Оставила велосипед возле ворот дачи, вошла через калитку и присвистнула. Если в доме то же самое, на речку я попаду ближе к вечеру. Я поднялась на крыльцо и позвонила в дверь. Открыли мне минут через пять, когда я уже отчаялась и решила, что Катерина крепко спит и я в дом не попаду. Девушка в полной боевой раскраске смотрела на меня с некоторым удивлением.

– Здравствуйте, – сказала я. – Я пришла убираться.

– Ты? – Удивление ее лишь увеличилось.

– Да, – улыбнулась я. – Тетя неважно себя чувствует, и весь этот месяц прихожу я.

– Ну, заходи. – Катерина посторонилась, пропуская меня в дом.

– Откуда начинать? – деловито осведомилась я.

– Все равно, – зевнула она. – Везде бардак, только в спальню в мансарде пока не лезь.

Я кивнула и пошла в подвал за инвентарем.

Когда я закончила уборку второго этажа, в доме наметилось движение. Двери хлопали, раздавались шаги, а вслед за этим слышались голоса, и стало ясно, что Катерина в доме не одна. Вскоре я увидела гостя, он пил кофе, устроившись в компании хозяйки на веранде. Я проходила мимо и заглянула в открытую дверь. Прямо напротив сидел парень в шортах и белой футболке, вытянув ноги, и насмешливо улыбался, слушая болтовню Катерины. И тут все три признака влюбленности не замедлили ко мне явиться: парень был красив. С моей точки зрения, даже слишком и уж точно не подходил Катерине, которая красотой отнюдь не блистала.

Меня тянуло к веранде как магнитом, и лишь здравый смысл не позволял мне то и дело снова вблизи открытой двери. Я отмывала первый этаж и пребывала в состоянии, близком к

блаженству, потому что успела придумать историю нашего знакомства и последующую за этим большую любовь. Я прислушивалась к голосам с веранды, но говорила в основном Катерина, и даже имени парня я не узнала, хотя очень хотелось.

Работала я не торопясь, начисто забыв о своем желании поскорее отправиться на речку, и к моменту окончания уборки у меня уже было минимум три версии истории моей большой любви. Тут появилась Катерина и сказала, хмуро глядя на меня:

– Слушай, вымой тачку, а? Она у гаража стоит.

Я кивнула и пошла мыть машину. Надо сказать, веранда располагалась как раз над гаражом, и, увлеченно надраивая чужую собственность, я сколько угодно могла любоваться объектом моих мечтаний. Очень скоро стало ясно, что он меня тоже заметил, и сердце мое забилося в предчувствии великих событий, потому что несколько раз я ловила на себе его взгляд. Минут через десять он начал откровенно пялиться, причем довольно нахально, а еще через двадцать минут вышел из дома и направился ко мне. Я помнила, что Золушка – девушка скромная, и всецело сосредоточилась на машине, правда, когда наши взгляды встречались, я застенчиво улыбалась, потому что была не только скромна, но и добра.

– Привет, – сказал красавец, и я ответила:

– Привет.

В то же мгновение из дома появилась Катерина, лицо ее пылало от гнева, взгляд, который она обратила ко мне, мог бы испепелить, и я поспешно отвернулась, надеясь, что, если буду вести себя смиренно, повода скандалить у нее не возникнет. Лишать тетку работы я не планировала и оттого забеспокоилась. Парню следовало быть осмотрительнее, впрочем, ему-то что за печаль, если меня отсюда вышвырнут.

– Ты долго еще? – спросила меня Катерина.

– Минут десять, – спокойно ответила я, отводя взгляд. Разгневанным хозяевам в глаза не смотрят, они от этого впадают в священное бешенство.

– Сережа, идем в дом, – позвала она своего приятеля.

На его физиономии отчетливо читалась душевная борьба. Конечно, он предпочел бы остаться со мной, потому что явно не испытывал сильных чувств к своей подруге, однако покорно потрусил за ней.

Я была деревенской девкой, хоть и красавицей, которая моет полы в чужих домах за две тысячи рублей в месяц, а Катерину хоть и нельзя назвать особо привлекательной, однако у нее, в отличие от меня, есть деньги, тачка и эта дача.

Образ принца мгновенно померк в моих глазах, и к неведомому Сергею я потеряла интерес, потому что истинные принцы ведь должны очень хорошо знать, что судить о человеке по тому, как он одет и чем в настоящее время занимается, весьма неосмотрительно. Лягушка может вдруг превратиться в Василису Прекрасную, но ее мужем уже будет младший брат, которого всю жизнь считали дураком.

Я закончила мыть машину, заглянула в дом и громко спросила:

– Еще что-нибудь надо?

– Нет, – ответила Катерина.

– Тогда я пойду, до свидания.

Ответом мне было молчание, и я поняла, что свободна.

Я заперла за собой калитку и уже оседлала велосипед, когда из дома появился Сергей.

– Подожди, – попросил он, подходя к калитке. – На, возьми. – Он протянул мне тысячу рублей и, увидев изумление на моей физиономии, поспешно пояснил: – Это моя машина.

– Да мне нетрудно было, – пожалала я плечами и мысленно усмехнулась, заметив его неуверенность, а еще желание оглянуться, чтобы убедиться: Катерины за спиной нет. – Спасибо, – сказала я и взяла банкноту со счастливой улыбкой.

– Тебя как зовут? – тише спросил он.

– Матрена, – ответила я, решив, что это имя как нельзя лучше соответствует ситуации, улыбнулась шире, еще раз сказала спасибо и покатила по улице, накручивая педали и ничуть не расстроившись. Он просто не тот, кто мне нужен. Не первый раз мне приходилось смириться с этим, наверное, и не последний, однако эта встреча навела меня на неожиданные мысли, то есть неожиданными они были разве что для меня, а на самом деле оригинальностью не отличались. Например, такая: Золушек вокруг пруд пруди, и может случиться так, что принцев на всех не хватит. Опять же, принц из сказки свою возлюбленную увидел на балу в роскошных тряпках, и явилась она туда в золоченой карете, то есть, по-нашему, на спортивной тачке. Это вызвало у меня беспокойство, может, принц-то не умнее олуха Сережи? А может, никакой он не олух и рассуждает правильно, что Золушке не худо бы иметь хотя бы две пары обуви, ну и к ним еще что-нибудь в придачу.

Чтобы легкая паника не перешла в разряд тяжелой, я вспомнила Ассоль и удовлетворенно кивнула. Там-то было все правильно, полюбили ее за красоту и прекрасную душу. Но бессмертное творение Грина отнюдь не успокоило меня, и впервые за много лет я с ужасом подумала, что, помечтав лет до тридцати пяти, я пополню когорту сумасшедших баб вроде своей тетки. Может, стоит прислушаться к чужим увещаниям и, плюнув на фантазии, заняться делом? Например, подумать о карьере. Разумеется, не школьной учительницы. Там-то как раз только и остается мечтать о принце, забыв про деньги, потому что в школе их не зарабатываешь. «А я хочу много зарабатывать?» – задала я себе вопрос и забеспокоилась, потому что ответ заранее знала. Конечно, зарабатывать надо, раз без денег в этой жизни никуда, но сделать это смыслом своей жизни?.. С велосипеда пересест на спортивную тачку, не зная точно, сколько у тебя пар обуви, и в выходные сидеть на богатой даче в компании вот такого Сережи? Нарисованная картина всерьез обеспокоила меня, деньги никак не хотели становиться смыслом моей жизни, и тогда я вдруг ощутила странную пустоту, заподозрив, что никакого смысла нет вообще. Для меня лично нет. Если любовь, о которой я читала в книжках, просто чья-то выдумка, значит, смысла точно нет, потому что для меня только она, любовь, и имеет значение.

Я привычно начала думать о том, что для меня важнее не чья-то любовь, а моя собственная, то есть главное – влюбиться самой, а с этим-то как раз и были проблемы. Вот в Сергея я, к примеру, ни за что не влюблюсь, потому что его не уважаю, считая слабым человеком, а он пока лучший из всех, кто мне попадался. Я вздохнула и почувствовала настоятельную потребность отвлечься от своих дурацких мыслей. В кармане у меня лежала тысяча, по местным меркам приличные деньги, их стоило потратить в свое удовольствие, а заодно помечтать в компании Верки, вот уж у кого фантазия на высоте. Я хотела ей позвонить, но потом решила сэкономить и заехать к подруге домой. Верка совершала трудовой подвиг – полола грядки.

– Поедешь купаться? – спросила я.

– Угу, – ответила Верка.

Мы дружили с первого класса, и, хотя последнее время виделись редко, только когда я приезжала на каникулы, я считала ее своей лучшей подругой. Отец ее был пьяница, мать работала на фабрике и с большим трудом кормила всю семью, где, кроме Верки, было еще двое детей младше ее по возрасту. Оттого после школы подруга тоже пошла на фабрику и откровенно завидовала моей жизни в губернском городе.

– Вечером можно в кафе сходить, – предположила я. – У меня деньги есть.

– Да? Откуда?

– Парню одному тачку помыла, он мне тысячу дал.

– За то, что тачку помыла? Врешь, – нахмурилась Верка.

– Ну... – Видя, что в ее сознании зреют самые черные мысли на мой счет, я поспешила рассказать историю о том, как я стала счастливой обладательницей тысячи.

– Он, конечно, познакомиться с тобой хотел, – кивнула она. – Вот и денег дал. Думал впечатление произвести. У людей в больших городах деньги бешеные.

- У меня – нет.
- Я не про тебя. Ты ему номер своего мобильного дала?
- Нет. Зачем?
- Дура, ей-богу. Как он тебя найдет?
- Да не надо меня искать.
- Тебе он ничуть не понравился? – вздохнула Верка.
- Сначала понравился, даже очень. Симпатичный.
- Вот. Тогда чего ты? Доразбрасываешься парнями...
- Ладно, поехали купаться, – тоже вздохнула я.
- Поехали, – буркнула Верка.

Мы договорились встретиться с ней вечером возле кинотеатра «Ударник», который по праву считался центром нашего города, оттого все свидания, как правило, назначали здесь.

Я пришла раньше и, зная склонность Верки опаздывать, направилась в сквер по соседству, где и устроилась на ближайшей скамейке. В сквере работал фонтан, создавая праздничную атмосферу, оттого, наверное, я сидела и беспричинно улыбалась, вертя головой по сторонам, чтобы не пропустить Верку. И тут мое внимание привлек «Мерседес», который плавно огибал сквер, направляясь к гостинице, что находилась напротив «Ударника». Иномарок в нашем городе хватало, но такие машины все же были редкостью. «Москвичи», – равнодушно подумала я, удивляясь, что им тут понадобилось, но номера оказались нашего региона. Вряд ли я бы так долго разглядывала «Мерседес», если бы не одно обстоятельство: занять себя до прихода Верки было нечем, оттого я продолжала наблюдать за машиной.

Машина въехала на стоянку, что была возле гостиницы, и из нее показался парень в светлых брюках и полосатой футболке, лицо его я разглядеть не могла из-за значительного расстояния, но, судя по всему, он был довольно молод, точно светловолос и носил очки. Пружинистой походкой парень поднялся по ступенькам ко входу в гостиницу и через мгновение скрылся за стеклянными дверями, а я постаралась найти другой объект для наблюдения, но, пока искала, появилась Верка, и я направилась к ней.

– У меня времени всего три часа, – пожаловалась подруга. – Пойду за батю дежурить, он опять запил.

– Жаль, – вздохнула я. – Могли бы еще в кино сходить.

– Не-а, лучше в кафе, ты пирожных обещала.

И мы пошли в кафе. Сели за столиком в глубине зала, заказали по три пирожных и кофе, и я, наконец, смогла поделиться своими сомнениями с Веркой.

– А чего ты хочешь? – вздохнула она. – Кто ж знает, что у тебя душа прекрасная. Встречают-то по одежке, сейчас такое время. Короче, миром правит бумажный, а точнее, денежный змей. Между прочим, лично я ни о ком особенном уже не мечтаю. Откуда особенному здесь взяться? Это ты живешь в большом городе, а у нас что? По мне был бы мужик непьющий, ну и не совсем идиот и любил бы меня, но и такие, скажу я тебе, большая редкость.

Мне стало грустно, потому что по части фантазий Верка была впереди планеты всей, и вдруг такое: непьющий, не совсем идиот. Здравствуйте, дожили. Неужто и я... Далее продолжать не хотелось, и я приналегла на пирожные. Наш разговор коснулся утреннего приключения, и Верка заявила, что я по дурости упустила свое счастье. Тут уж мне вовсе стало не по себе, потому что представить Сережу тем самым счастьем, о котором так долго мечталось, было совершенно невозможно. Но тему я поддержала, в нужных местах кивала, не забывая про пирожные. И вечер, можно сказать, удался. Взглянув на часы, Верка вспомнила о дежурстве, я расплатилась, и мы покинули кафе.

– Домой пойдешь? – спросила подруга.

– Прогуляюсь, может, знакомых встречу.

– Ну, тогда пока. – Она махнула мне рукой и зашагала в сторону котельной, где работал сторожем ее родитель, а я направилась к «Ударнику», прикидывая, стоит пойти в кино или нет.

Я как раз проходила мимо кассы, когда услышала:

– Девушка... – И, повернувшись, обнаружила в трех шагах от себя молодого человека в очках, светлых брюках и полосатой футболке. – Извините, – промямлил он, приглядываясь ко мне. – Вы мне не поможете?

– Можно попробовать, – пожала я плечами, незнакомец вроде бы на миг растерялся, но почти тут же продолжил:

– Не подскажите, где в вашем городе гостиница?

– Так вот она, – кивнула я на здание, что было через дорогу и в которое два с половиной часа назад входил этот тип.

– Для меня здесь дороговато, – смущенно ответил он. Цены в гостинице были мне неизвестны, но вряд ли они могли произвести сильное впечатление на владельца такого «Мерседеса». Хотя, может, «Мерседес» вовсе не его... – Другой гостиницы в городе нет?

– Нет, – покачала я головой. – И в этой половине площади сдают в аренду, сами видите. В нашем городе нет достопримечательностей, и туристы сюда не ездят.

– А у вас, случайно, нет знакомых, которые сдают комнаты? Мне всего на одну ночь. Я к другу в гости приехал, а тот, оказывается, укатил на рыбалку. Пытался ему дозвониться, но он в зоне недоступности. Автобус уже ушел, уехать я смогу только завтра.

Слова об автобусе поставили меня в тупик. Зачем он этому типу, если его тачка стоит возле гостиницы, я ее отсюда вижу. Может, правда, машина не его, а он кому-то ее пригнал... А может, я ошиблась, и это не он выходил из «Мерседеса», а кто-то очень на него похожий? Я повнимательнее присмотрелась к парню, не забывая отвечать на его вопросы.

– Нет.

– Жаль, – загрустил он. – Простите, а как вас зовут?

– Селина, – пытаюсь скрыть недовольный вздох, ответила я.

Незнакомец вроде бы удивился:

– Селина? Какое красивое имя. А меня зовут Вадим.

– Очень приятно, – кивнула я и тут вспомнила: – По-моему, на Малеевке есть гостиница, что-то вроде Дома колхозника. Раньше точно была.

– А где эта Малеевка? – заинтересовался Вадим.

– За рекой, вон в той стороне, дойдете до церкви, потом свернете направо и дальше все время прямо, пока в танк не упретесь.

– А что там танк делает? – удивился парень.

– Ничего. Он памятник. Там свернете налево и увидите мост, а за мостом уже Малеевка. Кого-нибудь спросите, как гостиницу найти.

– А вы здесь с кем-то встречаетесь? – с робкой улыбкой спросил он.

– Встречалась с подружкой, но ей на дежурство, а мне одной в кино идти лень.

– Давайте я с вами схожу, – предложил он. – В гостинице мне все равно делать нечего.

– Сеанс закончится поздно, и в темноте вы никакую гостиницу точно не найдете. Фонарей на Малеевке нет, а народ спать ложится рано.

– Да? – Он вздохнул. – Тогда, может, вы меня проводите? Хотя бы немного? Если честно, я уже забыл, где должен сворачивать.

К этому моменту я была абсолютно уверена в том, что не обозналась, это его я видела возле гостиницы, и заподозрила, что Вадим по какой-то причине валяет дурака. Причина была мне неизвестна и оттого интересна, я решила разобраться в ситуации, согласно кивнула, и мы направились к церкви.

– А вы здесь живете или погостить приехали? – спросил Вадим, исподтишка меня разглядывая.

- Приехала к тетке, у меня каникулы.
- Учитесь?
- Да, в педагогическом.
- На каком курсе?

Так незаметно мы дошли до церкви, и я успела поведать основные вехи своей биографии. Он тоже в долгу не остался. Рассказал, что работает программистом в одной фирме, мечтает купить квартиру, а пока снимает жилье на двоих с другом. Приехал он в наши края из Томска, где у него осталась большая дружная семья. Я за него вслух порадовалась, при этом терялась в догадках, не вранье ли это, потом не выдержала и спросила:

- А в наш город вы на автобусе приехали?
- На машине. Со знакомым. Он дальше отправился, в командировку, а я вот здесь.

Выходит, Вадим просто пудрит мне мозги, потому что за рулем точно был он сам, и никакого друга я не видела. Вот только какой смысл ему врать? Версий на сей счет у меня не было, а докопаться до сути хотелось. Когда мы остановились возле церкви, Вадим неуверенно спросил:

- Может, еще прогуляемся? А я вас потом провожу?

Я, немного подумав, согласно кивнула, и мы побрели на Малеевку. Ни он, ни я не торопились и всю дорогу болтали. Отыскать гостиницу оказалось легко, выглядела она, по крайней мере с виду, вполне прилично.

- Теперь не заплутаете, – сказала я и начала прощаться.
- Подождите, – забеспокоился Вадим. – Устроюсь и вас провожу.
- Не надо. Мне недалеко.
- Нет-нет, – волновался он. – Уже поздно, как вы одна дойдете?
- Да у нас спокойно.
- Спокойно или нет, а я все равно буду переживать. Подождите пять минут.

Я опять согласилась и устроилась на скамейке возле гостиницы. Вскоре вернулся Вадим:

- Порядок. Спасибо вам огромное, вы очень меня выручили.
- Пожалуйста, – сказала я, и мы побрели к моему дому.

– А знаете, что я подумал? – улыбнулся Вадим. – Вдруг это судьба? Ну, что мы с вами встретились? Ведь надо же было так совпасть: и друг мой уехал, и вы у кинотеатра оказались, и обратился я именно к вам.

Я улыбалась, храня по этому поводу молчание и все еще теряясь в догадках: то ли у меня видения и возле гостиницы был вовсе не он, то ли глюки у парня и он попросту заговаривается. А что? Обкурился какой-нибудь дряни и самого себя не помнит. Это было бы самым простым объяснением происходящего, но Вадим выглядел совершенно нормальным и адекватным, а в своем душевном здоровье мне до сих пор сомневаться тоже не приходилось. И я загрустила.

Впрочем, особо грустить Вадим мне не давал, болтал без умолку, как-то ненавязчиво взял меня за руку и более ее не отпускал. Так рука об руку мы и очутились возле моего дома. Неказистый вид жилища вызвал на лице Вадима гримасу недовольства, но лишь на мгновение, он поспешил спрятать ее за лучезарной улыбкой, а я сказала:

– Ну, вот... – И мы посмотрели друг на друга в некоторой растерянности: моя относилась к тому, что разгадку странного поведения парня я так и не нашла, а к чему относилась его растерянность, в тот момент меня вовсе не волновало. Можно было придумать предлог и еще немного погулять, но я уже сообразила, что затяжное бродяжничество ясности в ситуацию не внесет, и начала прощаться. Вадим задержал мою руку в своей руке и спросил:

- Можно я завтра зайду?
- Заходи, – пожала я плечами.
- Завтра выходной, – воодушевился он. – Ты не занята?
- До обеда буду убираться, – ответила я. – Освобожусь часа в два. У тебя автобус утром.

– Вечером тоже есть автобус, – сказал он. – Ты всегда по воскресеньям убираешься?
Я объяснила:

– Да я не у себя.

Пришлось рассказать о теткинм приработке и своем участии в этом деле.

– Жаль, что ты не можешь отпроситься, – вздохнул он. – Значит, увидимся в два?

– Хорошо, – кивнула я, и мы наконец простились.

Тетка сидела перед телевизором.

– Где тебя носит? – спросила она сурово.

– В кино ходила, – соврала я, чтобы избавить себя от лишних вопросов, но тут выяснилось, что наше стояние с Вадимом у подъезда не осталось незамеченным.

– Что это за парень? – вновь спросила тетка, на сей раз суровости в ее голосе поубавилось, и появились робкие нотки надежды.

– Познакомились в кинотеатре. Вот проводил домой.

– Он вроде не местный, – продолжала допытываться тетка.

– К другу приехал, а тот укатил на рыбалку.

– И куда же он теперь?

– На Малеевке в гостинице устроился. Завтра хотел зайти.

– Хорошо, – кивнула тетка и развила свою мысль: – Выглядит он солидно. И на пьющего не похож. Чем занимается?

Я подробно пересказала свой разговор с Вадиком, сообразив, что тетка не оставила надежды выдать меня замуж и рассматривает его как возможного претендента.

– А он не женат? – заволновалась она. – Лет-то ему немало, поди уже за тридцать.

– Говорит, что не женат.

– Говорит... – фыркнула тетка. – Ты ухо остро держи, а главное, никаких вольностей не позволяй. Окрутит, прости господи, потом останешься с пузом, как твоя мамаша, и что тогда? На меня не рассчитывай, силы уже не те.

– С пузом придется повременить, – ответила я. – Мне еще год учиться.

– Вот и правильно, – кивнула она, и я, воспользовавшись глубокой задумчивостью, вдруг на нее напавшей, ускользнула в свою комнату.

Тетка после моего ухода выключила телевизор и легла спать. Мысли о Вадиме не давали мне покоя. Я открыла створку окна и выбралась на улицу, воспользовавшись тем, что квартира у нас на первом этаже. На Малеевку от моего дома была короткая дорога через пешеходный мост, который находился в двух кварталах от нас. Через пятнадцать минут я уже подошла к гостинице и, пристроившись на скамейке возле забора напротив, стала ждать.

Прошло примерно полчаса, а Вадим все не появлялся. Конечно, можно было предположить, что он заблудился и где-то до сих пор бродит, но у меня на этот счет возникли сомнения. Подождав минут десять, я отправилась в центр города и, еще только подходя к кинотеатру, убедилась, что «Мерседес» находится на стоянке. Оглядевшись и не обнаружив Вадима поблизости, я подошла к гостинице, но не к центральному входу, а к тому, что был во дворе и предназначался для служащих. В гостинице лет двадцать работала мать моей школьной подруги Елена Ивановна. Я не знала, ее сегодня смена или нет, но в успехе своего предприятия не сомневалась, потому что была знакома с ее коллегами. Дверь оказалась открытой, и я, ворovато оглядываясь, прошла к стойке администратора. За стойкой, лениво обозревая безлюдное пространство холла, сидела моя подруга.

– Юлька, – позвала я, укpывшись за колонной.

Юлька начала вертеть головой, я выглянула из-за колонны и махнула ей рукой. Она улыбнулась и быстро приблизилась.

– Привет, ты чего здесь?

– Мимо шла. А ты мать подменяешь?

– Ага. Она к бабке в Самару уехала, отпросилась на неделю, а я вот вместо нее. Пойдем потрелемся, делать все равно нечего, и начальства нет.

– Потрелаться – это хорошо, – кивнула я. – Только лучше здесь.

– Почему? – удивилась Юлька.

– «Мерседес» на стоянке видишь? – перешла я на заговорщицкий шепот.

– Ну... сама его и оформляла.

– Хозяина как зовут? Вадим?

– А ты откуда знаешь?

– Я не знаю, я спрашиваю.

– По-моему, Вадим. Сейчас проверю. – Она метнулась к стойке и через минуту радостно мне закивала. – Вадим. Иди сюда, что ты там торчишь?

– Не могу. Боюсь, вдруг он войдет и меня увидит.

– Кто? Вадим этот? Откуда ты его знаешь? – Она вернулась к моему укрытию и теперь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в ожидании объяснений.

– Он у вас остановился? – продолжила я допрос, игнорируя ее любопытство.

– Конечно. Где ему еще останавливаться? Не на Малеевке же. Номер люкс, и то нос воротил, это ему не так да то не эдак. Ты мне объяснишь, в чем дело? Я же не железная.

– Он не говорил, зачем приехал?

– Нет. Но ясно, что по делам. Если б отдыхать, то поехал бы на турбазу «Велес», туда из области отрываться ездят. Там все супер и девки по вызову в любое время дня и ночи. Помнишь Ольгу Носову, она еще с Костей Дьячковым в одном классе училась? Так вот и она там, ага. Хвалилась: бабок получает немерено. Хочет квартиру покупать, прикинь? А ведь дура душой и уродина, чего в ней мужики находят? Даже обидно.

– Чего тебе обидно? Они ж ее не замуж зовут.

– Может, еще и устроится. Деньги-то большие зарабатывает.

– Сифилис она там заработает или еще чего похуже.

– Ну, это да, – пригорюнилась Юлька. – Работа, конечно, паршивая. Быстрее бы институт окончить, – вздохнула она. – Так надоела эта жизнь на три копейки.

– Точно. Окончим институт, будем получать четыре копейки.

– Ты чего сегодня вредная такая? – удивилась Юлька.

– Я не вредная, – покаянно вздохнула я. – Просто ты постоянно уходишь от темы разговора.

– Да? А о чем мы говорили?

– О постояльце, что приехал на «Мерседесе».

– Ну... приехал. Знакомый твой, что ли? Он сейчас у себя. Хочешь, позвони ему в номер.

– Не хочу. А он точно у себя?

– Где же еще? Вернулся час назад, поужинал в ресторане и ушел в номер.

Я почесала за ухом в глубоком раздумье, хотя ответу Юльки не удивилась. А вот загадка осталась и теперь вовсе не давала мне покоя: на кой черт он поплелся на Малеевку, утверждая, что эта гостиница для него слишком дорога?

– Сколько у вас номер стоит? – спросила я, хотя сама не знала, что мне могут дать эти сведения.

– Стандартный – две с половиной, полулюкс – четыре, а люкс – пять. Он, конечно, в люксе. Да ты мне объяснишь, в чем дело?

Разумеется, я объяснила. Подробно рассказала о знакомстве, нашем затяжном путешествии по городу и обещании новой встречи.

– А это точно он? – нахмурилась Юлька. Теперь и я начала сомневаться.

– Среднего роста, в очках, волосы светлые.

– Он, Линочка, он... – Подруги, как будто сговорившись, звали меня Линой, впрочем, я не возражала. – Противный такой, все рожу кривил. Даже не знаю, что и думать. Чего-то ему от тебя надо, не стал бы он все это затевать. Слушай, он до завтра номер снял, хотел уехать до обеда, прикинь? – Я прикидывала, то есть смотрела на Юльку и напряженно хмурилась, не зная, что думать, а она продолжала: – Он сегодня приехал, пообедал и ушел. По времени получается, что дойти он успел только до кинотеатра, а потом с тобой бродил.

– Ну... – кивнула я в очередной раз.

– Так какие у него могут быть дела? То есть за каким чертом он сюда приехал, да еще в субботу, когда никакие фирмы не работают? А завтра уезжает. Выходит, его дело ты и есть, – закончила она и уставилась на меня.

– По-моему, он просто идиот.

– Линочка, я поняла, – зашептала Юлька, хватая меня за руки. – Я все поняла. Тебя ищут. Точно. И он сюда специально приехал. Чтоб с тобой познакомиться. Ну, конечно, все же ясней ясного.

– Зачем со мной знакомиться? – не успевая за мыслью подруги, растерялась я.

– Как – зачем? Он хотел узнать, как твои дела и все такое, не привлекая к себе внимания.

– Допустим, но врать-то зачем?

– Он не хочет тебе открыться до поры до времени. Боится.

– Чего?

– Да что ж ты какая несообразительная?

Соображала я в тот момент и вправду не очень, не понимая, к чему клонит подруга, пока она с сияющей физиономией не выдала, все еще держа мои руки в своих:

– Линочка, это твой папа, он же пропал, верно? И никто о нем ничего не знает. Он разбогател, а теперь приехал...

– Юля, соберись, – ласково попросила я. – Папа не пропадал, мама просто была не уверена, кого конкретно стоило бы назвать моим папой.

– Ничего подобного. Мне моя мама рассказывала, что твой отец... в общем, там вышла неприятная история накануне твоего рождения, и папу твоего посадили в тюрьму.

– Был еще солдат, мне тоже тетка рассказывала.

– Вот. Кто-то из них разбогател и теперь ищет тебя. Господи, как я за тебя рада!

– Радуйся на здоровье, только это бред.

– Ничего подобного, как раз это все и объясняет...

– Ничего это не объясняет. Завязывай с сериалами, добром это не кончится.

– При чем здесь сериалы? А ты совсем бесчувственная, вместо того чтобы радоваться: отец нашелся...

– Какой отец, дура? – не выдержала я. – Ему тридцать четыре года, он мне сам сказал. Что он меня, в двенадцать лет родил?

Это подействовало, Юлькины глаза потухли, но через мгновение вспыхнули вновь.

– Отец не мог приехать сам и его послал, чтобы узнать, как ты живешь и все такое. Можешь говорить что угодно, но я чувствую...

– Как его фамилия? – вздохнув, спросила я, потому что тоже ощутила что-то вроде тревоги.

– Папы твоего?

– Парня этого.

– Сейчас, – заволновалась она и бросилась к стойке, я направилась за ней, забыв про осторожность. – Вот, – суетилась Юлька. – Козельский Вадим Эдуардович, точно, тридцать четыре года, и адрес есть.

Я прочитала адрес:

– Сосновая, дом пять, квартира один, – и задумалась. Улица Сосновая была мне известна, это не улица даже, а загородный поселок на берегу реки в нашем областном центре, огороженный по периметру высоким забором. В поселке было примерно с десяток таунхаусов, цена за квадратный метр в которых зашкаливала, прибавьте бассейн, собственную пристань и прочие радости... Три года назад я работала в строительной фирме, которая как раз данный поселок и строила. Схема этого чуда висела в холле, и я могла сколько угодно ею любоваться.

– Ну, что? – спросила Юлька, видя мою печаль.

– Вовка здесь? – кивнула я в сторону лестницы.

– Ушел давно. Зачем тебе Вовка?

– Мне компьютер нужен.

– Так ключи-то от его кабинета здесь, – удивилась Юлька и протянула мне связку. – Иди, а я посторожу. Потом мне все расскажешь.

Я отправилась в кабинет, который располагался под лестницей, и через пару минут уже сидела за компьютером. Поразмышляв немного, написала довольно пространное письмо своему знакомому, он подрабатывал в солидной фирме и оттого на каникулы остался в городе. С чувством выполненного долга я покинула кабинет. Юлька изнывала от нетерпения, сидя за стойкой.

– Ну, что? – спросила она с таким волнением, точно ожидала услышать весть о конце света.

– Я попросила Севку узнать все, что сможет, об этом типе.

– Правильно, – кивнула Юлька. – А кто такой Севка?

Я закатила глаза.

– Я же тебе рассказывала.

Юлька снова кивнула, но уже не так неуверенно.

– Я на третий этаж сбегала, – шепотом сообщила она. – Вадим твой в номере, никуда не выходил. Просил ему чай принести. Тетя Катя сказала: он сидит перед компьютером, перед ноутбуком то есть. Жутко деловой, лишнего слова не вытянешь. Я хотела к нему заглянуть, но подумала: вдруг он заподозрит чего.

– Ты поаккуратней, – нахмурилась я. – Особенно с тетей Катей. Язык у нее, как помело.

– Не беспокойся, я ей про тебя ничего не сказала. Зашла вроде как поболтать от скуки, ну и про Вадима вспомнила, то есть про тачку его. Все само собой получилось. Тетя Катя решила, что я им заинтересовалась, потому что он мне понравился, точнее, тачка его. Вот. Она даже сказала: жених, конечно, завидный, но ненадежный. И невзрачный какой-то. Но тебя это совершенно не должно волновать, раз он посланец твоего папы и никакой не жених.

– Посланец папы? – обалдела я, забыв о том, что она успела напридумывать.

– Конечно, – моргнув, ответила Юлька.

Тут выяснилось, что тема себя исчерпала, то есть ничего нового по поводу Вадима ни я, ни Юлька сказать не можем, а прочие темы на ум не приходили, в общем, я поспешила проститься, заверив Юльку, что, как только появятся новости, я ей их сообщу. Со своей стороны, Юлька обещала приглядывать за Вадимом. На том и порешили.

Я отправилась домой, размышляя по дороге о превратностях судьбы. Еще вчера у меня не было никакого папы, то есть, конечно, он был, но его все равно что не было. Я унаследовала от него только отчество, да и в том была не уверена, маме ничего не стоило его выдумать, и с таким же успехом я могла быть Николаевной, к примеру, а не Олеговной. Хотя отчество Олеговна не слишком благозвучное, так что мама, скорее всего, что-то имела в виду. Так вот, еще вчера меня это совсем не занимало, а сейчас я уже готова поверить, что у меня есть отец, что он обо мне знает и даже послал этого самого Вадима.

Подумав еще немного на эту тему, я со вздохом решила, что все же поспешила согласиться с Юлькиными доводами, это форменная чепуха, мексиканский сериал, но своей версии происходящего придумать не смогла и оттого слегка загрустила.

Родной дом тонул в темноте. Я легко взобралась на подоконник, воровски проникла в комнату и закрыла окно. Повздыхала немного, таращась на луну, которая ярким фонарем висела над соседним деревом, и легла спать.

Утро началось со звонка в дверь, вернее, началось оно несколько раньше. И к тому моменту я уже успела встать, умыться и даже выпить чашку кофе. Тетка пила чай и размышляла вслух: стоит ей к клиентам отправиться вместе со мной или я справлюсь сама с поставленной задачей. Я заверила, что справлюсь, но она сомневалась. Эти клиенты были особенно дороги тетке, платили больше, чем прочие, и никогда ни к чему не придирались. К единому мнению мы прийти так и не успели, тут в дверь позвонили, и я пошла открывать, удивляясь, кого принесло в такую пору. На пороге стоял Вадим с растерянным и даже несчастным выражением на физиономии.

– Привет, – сказал он и испуганно добавил: – Ничего, что я так рано?

– Нормально, – ответила я, пропуская его в квартиру.

Тетка выглянула из кухни и замерла с приоткрытым ртом.

– Здравствуйте, – сказал Вадим и поклонился чуть ли не в пояс.

– Здравствуйте, – пробормотала тетка.

Тут и я подала голос, решив, что их следует познакомить. Они чинно пожали друг другу руки, и тетка пригласила его к столу.

– Погостить в наш город приехали? – начала она светскую беседу, с трудом дождавшись, когда гость выпьет первую чашку чая.

– Да, к другу. Сейчас заходил к нему, но он еще не вернулся.

– Ага, – тетка кивнула. – А сами в областном центре проживаете?

– Да.

– Один или с родителями?

– Один, то есть мы с другом квартиру снимаем, одному пока дороговато, но у меня неплохие перспективы на службе и осенью обещали зарплату повысить.

– Хорошо, – кивнула тетка, после чего кашлянула и виновато посмотрела на меня. Ходко поднялась и стала кормить Вадима блинами. Сначала он отказывался, но потом съел пять штук, после чего они с тетей Любой практически подружились.

Я же была занята решением вчерашней загадки: если он врет, то какой в этом смысл, а если не врет, то при чем тут «Мерседес» и номер люкс? «Машина не его, – в конце концов решила я. – И номер он снимает за чужой счет, вот и шикует. Командированный, наверное. Но какая может быть командировка, если он вчера весь вечер провел со мной, с утра опять здесь, а к вечеру собирается уезжать?» Призрак папы отчетливо замаячил где-то на горизонте, и я вздохнула. Перевела взгляд на часы и поднялась:

– Мне пора.

Тетка всплеснула руками:

– Сиди, я сама схожу.

Последовала трехминутная пантомима, тетя Люба настаивала, чтобы я осталась, я протестовала, и тут вмешался Вадим:

– Если это из-за меня...

В общем, было решено, что до дома, где жили тетнины клиенты, он меня проводит, и мы отправились вдвоем. Я катила велосипед, а Вадим шел рядом, поглядывая на меня, и наконец произнес:

– Извини, что я пришел так рано, дело в том, что... в общем, у меня вчера бумажник вытащили... или я сам его потерял. Хватился сегодня утром, когда завтракать пошел, а бумажника нет. Там все деньги были. Не очень-то много, если честно, но дело даже не в этом. У меня не осталось ни копейки, точнее, три рубля мелочи в кармане. Друг вполне может явиться только завтра, а мне утром в восемь надо быть на работе. Билет на автобус стоит сто двадцать рублей, – со вздохом сказал он. – И я понятия не имею...

– Без проблем, – наконец-то сообразив, куда он клонит, сказала я. – Сто двадцать рублей у меня есть, и у тетки занимать не надо.

– Спасибо, – вздохнул Вадим. – Я тебе в следующий выходной верну.

– Ты мне их на телефон положи, так будет проще, номер своего мобильного я тебе дам.

– У тебя есть мобильный? – обрадовался он.

– Есть, просто здесь он ни к чему.

– Я сейчас же запишу номер. – Он достал свой телефон, по виду вполне скромный, но эта скромность стоила недешево, что вновь повергло меня в раздумья. Впрочем, парни – выпендрожники и любят покупать дорогие игрушки.

С телефоном мы разобрались и отправились дальше. Сто двадцать рублей перекочевали из моего кармана в его, и Вадим принялся зудеть, какая я добрая и чуткая девушка, ведь сто двадцать рублей немалая сумма. Деньги для меня имели цену, потому что каждый рубль приходилось зарабатывать, но в тот момент я бы согласилась расстаться и с большей суммой, лишь бы отделаться от Вадима. Разгадывать загадки мне уже надоело, а сам по себе Вадим был мне мало интересен. Я искренне надеялась, что через двадцать минут мы простимся и более уже не увидимся. Но, оказавшись возле дома, где мне предстояло заняться уборкой, Вадим сказал:

– Можно, я тебе помогу?

– Нет, – покачала я головой. – Хозяевам не понравится чужой человек в доме, тем более мужчина. Ты вообще держись подальше, а то они вообразят бог знает что, дом-то богатый.

– Что вообразят? – не понял он.

– Ну... вдруг ты приглядываешься...

– Ах, в этом смысле. Хорошо, я тогда вон в том сквере подожду.

– Я часа на три, не меньше, – очень надеясь, что это произведет на него впечатление, предупредила я.

Но Вадим не впечатлился.

– Хорошо, – кивнул с улыбкой и отбыл в сквер.

Поглядывая время от времени в окно, я могла видеть, как он сидит на скамейке, откровенно томясь. Деньги я ему уже дала, так что страдал он по собственной инициативе. Закончив уборку, я направилась в сквер, где была встречена радостной улыбкой и заботливым вопросом:

– Очень устала?

– Нет, я привыкла, – ответила я, косясь на Вадима и ожидая, что за этим последует.

Он шел рядом, улыбался и через пять минут уже рассказывал очередную байку из своей жизни, которая отнюдь не объясняла его загадочного поведения. Конечно, я бы могла напрямую спросить, чего он дурака валяет, но чувствовала, что делать этого не следует. Предположим, у него действительно свистнули бумажник, но деньги на билет ему без надобности, раз на стоянке «Мерседес» красуется. Может, они на бензин нужны? Я мысленно махнула рукой. Оставив велосипед, мы отправились гулять (до автобуса оставалось еще много времени). Потом вернулись к нам, чтобы пообедать. Тетка была на высоте, и их взаимная симпатия на глазах крепла.

Наконец, я пошла провожать Вадима на вокзал. Путь наш пролегал мимо гостиницы, и «Мерседес» был прекрасно виден, но Вадим в его сторону даже не посмотрел. Купил билет и уже возле автобуса взял меня за руку.

– Я в субботу приеду, – сказал он с таким видом, точно объяснялся мне в любви.

– Если ты из-за денег, то это глупо, на билеты больше потратишь. Положи их на мой телефон, как договаривались.

– Просто я хочу тебя увидеть, – вздохнул он.

– Тогда приезжай, – кивнула я, точно зная, что увидеть его еще раз большого желания не испытываю, но была загадка, которая не давала мне покоя.

Он робко прикоснулся губами к моей щеке и наконец вошел в автобус. Я помахала ему рукой и дождалась, когда автобус тронется с места. После чего отправилась к гостинице.

Только я устроилась в телефонной будке возле кинотеатра, как появился Вадим, подъехал он на машине, расплатился с водителем, ненадолго заглянул в гостиницу, а через полчаса уже отбыл на своей роскошной тачке, оставив меня в тоске и сомнениях: как я все это должна понимать?

Во вторник, вспомнив про свой мобильный, я увидела сообщение о двенадцати не принятых звонках, все двенадцать были от Вадима. В субботу утром он уже звонил в нашу дверь. Первым делом вернул мне сто двадцать рублей, затем протянул тетке коробку конфет и увесистый пакет всякой снеди, мне была вручена роза в целлофане, пахнувшая одеколоном. Тетка, уверившись, что перед ней кандидат на мою руку, кормила Вадима практически непрерывно и уже любила его как родного. На ее сетования «к чему было так тратиться» он ответил, что получил деньги за халтуру, как он выразился, так что не грех и погулять. Гулять мы пошли в кафе, где неделю назад шикавали с подружкой, и по дороге я могла наблюдать «Мерседес» на стоянке возле гостиницы.

Ночевать Вадим остался у нас, хотя собирался идти к другу, но тетка настояла и постелила ему в гостиной, так что мне пришлось делить свою постель с ней, восторга у меня это не вызвало. В воскресенье вечером Вадим отбыл на автобусе. На этот раз я даже проверять не стала, уверенная, что на ближайшей остановке он сойдет, на попутной машине вернется в гостиницу и уедет на своем «Мерседесе».

К тому моменту Вадим мне изрядно надоел, но загадку разгадать очень хотелось, и я терпела, рассчитывая, что, в конце концов, он объяснит, почему так упорно валяет дурака. В понедельник пришло сообщение от Севы, и я убедилась: неделю он молчал не зря и кое-что полезное смог-таки для меня сделать. То, что он накопал на Вадима, не поражало количеством, но впечатление произвело. Итак, Козельский Вадим Эдуардович является одним из совладельцев строительной компании «Светлый дом», а также генеральным директором и совладельцем торгового дома «Северный», кстати, самого крупного торгового центра в городе. Когда-то это был рынок стройматериалов, а еще раньше фабрика, у меня ни разу не хватало терпения обойти все тамошние павильоны. Вслед за «Северным» следовал целый список фирм и принадлежащей Вадиму недвижимости. Вряд ли у такого перца могли возникнуть проблемы с ночлегом в районном городе, впрочем, к тому моменту я уже ничуть не сомневалась, что никаких проблем не было, а это все мошенничество чистой воды. И опять принялась гадать, с какой стати человеку жульничать, но быстро вернула себя к действительности, то есть к компьютеру. Проживал Вадим на улице Сосновой, о чем я уже знала, дважды был женат, первый брак продлился четыре года, второй лишь год, детей Вадим не имел, до недавнего времени сожительствовал с Жанной Богульской, солисткой областной оперетты. Но и с ней гнезда не свил и в настоящее время ходил в женихах.

Призрак родителя вновь замаячил на горизонте. Вдруг отец вышел из тюрьмы и стал бизнесменом, а с солдатиком и того проще: в тюрьму садиться не надо. Вспомнил о дочурке и... послал сюда Вадима. При всей своей буйной фантазии я все же не могла допустить такое и терпеливо ждала развития событий.

Пришла суббота, и Вадим вновь появился в нашей квартире. Мы отправились на озеро, потом сходили в кино, вечером зашли в кафе, Вадим сосредоточенно изучал меню, и я, как девушка с пониманием, заказала салат из помидоров, а он добавил к этому бокал вина, вполне

приличного. Посидели душевно. По дороге домой (тетка вновь настояла, чтобы он ночевал у нас) состоялся довольно интересный разговор. Прелюдией к нему послужил поцелуй в парке. Мы шли по аллее, Вадим, по обыкновению, что-то рассказывал, потом вдруг замер, посмотрел на меня как-то по-особенному, после чего обнял и поцеловал. Целоваться с ним мне не понравилось, и я поспешила высвободиться из его объятий.

– Я тебе не нравлюсь? – спросил он.

– Нравишься, – без особой уверенности ответила я.

– Тогда почему... – начал он.

Я пожала плечами.

– Мы слишком мало знаем друг друга, – выдала я фразу, которая показалась мне вполне подходящей.

– Что плохого в поцелуе? – спросил он.

– Плохого ничего. Просто я серьезно отношусь к таким вещам.

Он кивнул, присмирел и минут десять шел молча. Потом опять спросил:

– У тебя кто-то был?

Я едва успела убрать непрошеную ухмылку с физиономии. Пожалуй, мою серьезность он все-таки переоценил. Или считал, что на такую, как я, никто не позарится? Если считал, то зря. От парней у меня отбоя не было. Если кто-то из них и был уверен, что в жены следует брать девчонку с квартирой, богатыми предками и прочими благами, мое сиротство отнюдь не являлось препятствием для приятного времяпрепровождения. Препятствовала этому я сама, памятуя лекцию тетки и незавидную судьбу моей матери. Но далеко не всегда здравомыслие побеждало. Вместо того чтобы ответить ему правду, то есть дать понять, что в моем возрасте ходить девицей не принято, я решила, что следует придумать историю, подходящую для сериала, раз уж наша странная дружба подозрительно им отдает, и с грустью на челе ответила:

– У меня был парень, мы хотели пожениться. Он в техникуме учился на последнем курсе, мы думали, поженимся, как только он найдет работу... – Тут я сделала паузу, собираясь с силами, потому что хотела разрыдаться, но моих актерских способностей на это не хватило, а тут еще Вадим поторопил:

– И что?

– Он разбился. Поехал с другом на мотоцикле на рыбалку, было темно... в общем... – не дождавшись слез, я тяжело вздохнула.

– Когда это было?

– Год назад, тринадцатого мая прошлого года.

– Сочувствую, – вздохнул Вадим, явно не зная, что сказать. Я кивнула. – Ты все еще любишь его?

Я пожала плечами:

– Сначала мне казалось, что я без него жить не смогу, даже хотела таблеток наглотаться, но тетку стало жалко. Потом... потом понемногу привыкла. Но все равно, когда ты поцеловал меня, чувство было такое, что я ему изменяю.

– Его же больше нет, – вновь вздохнул Вадим, а я опять кивнула.

Во вторник на военном совете Юлька выдвинула свежую идею: отец оставил мне деньги и они у Вадима, но тому денег жалко, и он нацелился в женихи. Я бы могла с этим согласиться, если бы не одно обстоятельство: в богатого отца я упорно не верила, а если его нет, то все остальные логические построения Юльки чепуха. Решено было ждать, что Вадим сделает дальше, подружки советовали его поощрить, чтоб он расслабился и разговорился. Предложение показалось мне дельным.

Надо сказать: уже вторую неделю Вадим звонил мне ежедневно, причем заботливо оплачивая мой телефон, чтобы его, не дай бог, не отключили. Разговоры были малосодержатель-

ными, но он все чаще употреблял выражения «моя девочка», «солнышко», «милая», что весьма волновало Юльку и меня тоже. Подруга была уверена: меня пытаются облапошить, и я не ждала от судьбы ничего хорошего.

В пятницу вновь явился Вадим и предложил отправиться на турбазу «Велес». Я отмела эту идею как негодную: во-первых, там очень дорого, во-вторых, в субботу у меня уборка и в воскресенье, кстати, тоже. Вместо турбазы мы загорали на озере в компании Юльки, а в воскресенье ели теткинны пироги, потому что весь день лил дождь.

– А ты не могла бы ко мне приехать? – спросил Вадим, прощаясь со мной возле автобуса.

– Я же тетке помогаю, – напомнила я.

– Но ведь бывают у тебя свободные дни, необязательно в выходные. Я бы с работы отпросилась. Посмотрела бы, как я живу.

– Так я тридцатого августа приеду, учебный год начнется, тогда и посмотрю.

– Пора ему как-то определяться, – со вздохом заметила тетка, когда я вернулась домой. – К себе звал?

– Звал.

– Не вздумай ехать. Дураку ясно, зачем он тебя зовет. А ты соображай: если ему нейдет, пусть женится, чтоб все честь по чести, а если нет, пусть ищет кого поглупее.

Надо сказать, Вадим к тому моменту и в самом деле начал проявлять нетерпение: стоило нам остаться одним, как он раскрывал объятия и весьма настойчиво меня целовал. Далее поцелуев продвинуться было нельзя, ведь в квартире присутствовала тетка, а на улице особо не разбежишься. Я на поцелуи охотно отвечала, но к разгадке тайны меня это не приблизило.

Вадим с упорством изображал небогатого паренька, недоедающего всю неделю, чтобы сводить девушку в воскресенье в кафе, а «Мерседес» по-прежнему радовал глаз на стоянке.

В начале августа он признался мне в любви, и я ответила, что тоже люблю его, предвкушая тот миг, когда наконец-то все узнаю. Не тут-то было. Мы принялись строить планы, как будем вместе жить после моего возвращения в областной центр. То есть планы строил Вадим.

– Я буду жить в общежитии, – порадовала его я. – Никаких гражданских браков, тетка меня убьет, потому что, с ее точки зрения, это блуд. Кстати, я думаю так же. Если люди любят друг друга, отчего бы им не жениться, а если сомневаются, зачем врать друг другу, что у них семья.

Вадим поморгал немного и спросил:

– А ты за меня пойдешь?

– Конечно, – кивнула я.

– Так у меня за душой ни копейки.

– Ну и что. Руки-ноги целы, значит, заработаем.

Он невероятно воодушевился, и мы начали готовиться к свадьбе. Тетка сняла с книжки все накопленное непосильным трудом и купила мне платье, самое красивое, какое только мы смогли отыскать.

– Чтоб не хуже других, – приговаривала она.

Юлька пребывала в полном обалдении.

– Ты за него замуж пойдешь? Неужто ты его любишь?

Я и сама не знала толком, зачем иду замуж. Вряд ли я любила его, точнее, не любила, конечно, но успела привыкнуть за это время и даже обнаружить в нем что-то положительное.

Он серьезный, неглупый, ласковый... Перечень его достоинств можно продолжить, но любовью все-таки не пахло. Замуж меня гнало желание его понять: я свято уверилась, что за всем этим есть некая тайна. Мне предлагали участие в игре, и я готова была сыграть предложенную роль. Я действительно воспринимала происходящее как спектакль, разумеется, это ничуть меня не оправдывало.

Свадьба была более чем скромной, мама приехать не смогла и прислала мне родительское благословение телеграммой. С моей стороны присутствовали тетка и четыре подруги. Вадим приехал в компании невзрачного мужичка, который и стал свидетелем со стороны жениха. Расписались мы в нашем загсе и отправились в кафе, где чинно выпили, закусили и пару раз прокричали «горько!». Подруги в складчину подарили нам микроволновку, а тетка пылесос. Друг ничего не подарил, должно быть, по бедности. Тетка собиралась отправиться ночевать к соседке, но Вадим предупредил, что после торжественного ужина мы уедем, квартиру он уже подыскал, дешевую, но вполне приличную. На этот раз «Мерседес» он не прятал, объяснив, что друг работает водителем у какого-то крутого дяди и тот разрешил взять машину по случаю бракосочетания. Друг, который за столом пил только сок, устроился за рулем, я расцеловалась с теткой и подружками и со скоростью сто сорок километров в час устремилась в новую жизнь.

Всю дорогу, которая заняла немного времени, Вадим трепетно обнимал меня, а я счастливо улыбалась. Мы въехали в город и напрямик направились на улицу Сосновую. Охранник на воротах отдал нам честь. Мы оказались в жилом комплексе с одинаковыми домами и притормозили у того, что был под номером пять. Признаться, я немного растерялась, хотя домашний адрес Вадима был мне хорошо известен, но почему-то я ожидала, что он продолжит игру, и почувствовала смутное беспокойство оттого, что сейчас, по-видимому, все и решится.

Заметив недоумение на моей физиономии, Вадим широко улыбнулся, вышел из машины и подал мне руку, а я шепотом спросила:

– Зачем мы сюда приехали?

Вадим улыбнулся еще лучезарнее, подхватил меня на руки и стал подниматься по ступенькам к массивной двери. Она, как по волшебству, открылась, и мы оказались в просторном холле. Полная дама лет пятидесяти, держась за ручку двери, приветливо нам улыбалась, а потом куда-то испарилась, не забыв закрыть дверь.

Вадим поставил меня на пол и сказал:

– Это наш дом.

Я попыталась сообразить, как должна реагировать на это, а Вадим громко рассмеялся.

– Наш дом? – промямлила я и решила: вот сейчас наконец-то я все узнаю, но уже подозревала, что разгадка придется мне не по душе. Так и вышло.

– Идем, – сказал Вадим, взял меня за руку и провел по своей двухэтажной квартире (был еще подвал и гараж, разумеется, но в тот раз мы туда заглядывать не стали). – Теперь это все твое, – закончив экскурсию, заявил он.

Я продолжала хлопать глазами.

– Ты ведь не мог снять эту квартиру? – наконец произнесла я.

– Это моя квартира, моя, – сделав ударение на местоимение, сказал он, а я кивнула с придурковатым видом.

– Но ведь ты говорил...

– Да-да, конечно, я не хотел, чтобы ты до поры до времени знала, что я богатый человек, – серьезно заявил он. – Я хотел быть уверен, что ты любишь меня, а вовсе не мои деньги.

Все поплыло у меня перед глазами, и я едва удержалась на ногах. Не было никакой загадки, все было просто до неприличия. Богатый парень, которому надоели охотницы за состоянием, решил найти себе жену-простушку и явился в районный городишко переодетым принцем. То есть, по большому счету, мне бы надо радоваться, раз моя любимая сказка про Ассоль с ее алыми парусами сбылась. Вот он, принц, а вот она – я. Но радостью и не пахло. В сказке принц сначала влюбился, а уж потом побежал менять паруса на своем транспортном средстве. Да и Ассоль, должно быть, здорово повезло, раз она влюбилась в парня, лишь только он сошел на берег. Ей достаточно было того, что мечта ее осуществилась и вот она – любовь. В этом-то и крылась самая большая проблема: я Вадима не любила. И теперь с ужасом поняла, что привело меня сюда банальное любопытство, желание разгадать загадку, которой не было.

«Интересно, сколько Ассоль прожила со своим принцем? – совсем некстати подумала я. – Или она была так глупа, что продолжала любить свои алые паруса, мало обращая внимание на человека рядом, или ей и впрямь повезло и он оказался тем, о ком она мечтала?» Мне не повезло. Я не мечтала о Вадиме, ни о бедном, ни о богатом, и в этом смысле его роскошный дом ничего изменить не мог. Больше всего мне хотелось в тот момент сбежать, и я попятилась от Вадима, оступилась в своем длинном платье и чуть не упала, но он успел подхватить меня на руки.

– Зачем ты врал? – нахмурилась я.

Он еще раз повторил свое объяснение, с его точки зрения, оно в уточнении не нуждалось, а мне надлежало хлопнуться в обморок от счастья. Кстати, я была недалеко от обморока, но совсем по другой причине. Я ведь всерьез надеялась, что меня ждет что-то необыкновенное, непонятное, загадочное, то есть впереди история на пятьсот страниц с продолжением. Как ни прискорбно это признать, я оказалась идиоткой, помешанной на мексиканских сериалах, хотя терпеть их не могла.

Я подумала о тетке, о ее радости, что теперь у меня все как у людей, о ее сберкнижке с одними нулями в последней строчке и слабо застонала. Я саму себя загнала в угол.

А еще было чувство, что меня облапошили. Да-да. И не спасало даже то, что, по большому счету, облапошенным оказался сам Вадим. Интересно, как бы он отнесся к тому факту, что я практически с самого начала знала, кто он на самом деле. Ассоль, которая с любопытством наблюдала, как кто-то спешно кроит парусину, перекрашивая ее в алый цвет. Дела...

Мысль о том, что мы с Вадимом шулеры, оказавшиеся случайно за одним карточным столом, как ни странно, примирила меня с действительностью. И я начала слабо улыбаться, оглядываясь. Вадим провел меня в комнату, где был накрыт стол, горели свечи и полыхал огонь в камине, а также работал кондиционер, потому что до осени было далеко и жара стояла страшная.

Мы выпили шампанского, и я решила, что, если вошла в дерьмо, стоит, по крайней мере, сохранять лицо.

Я не могла обвинить Вадима в обмане, раз сама его обманывала. Он, кстати, не считал то, что сделал, обманом, искренне веря, что сказка про Золушку – самое любимое произведение всех глупых девок на свете. Только моя сказка была какой-то неправильной, хотя на то она и сказка, чтобы разительно отличаться от действительности.

– Ты такая грустная, такая молчаливая, – взяв меня за руку, прошептал он, а я ответила:

– Я просто была не готова к этому, и теперь... теперь я даже не представляю, как мы будем здесь жить.

– Счастливо, – заверил он и потянул меня в спальню, которая была по соседству.

Несмотря на его старания, счастья не получилось, хотя, по большому счету, к Вадиму у меня претензий нет. Он не был мне противен, и заниматься с ним сексом оказалось приятно, что отнюдь не примирило меня с действительностью. Пару дней я бродила по дому как сомнамбула. Он относился к моему состоянию с пониманием: надо дать мне время привыкнуть к новому положению. Потом навалилась тоска. Делать здесь мне было нечего. В доме была приходящая уборщица, и развлекать себя мытьем полов не требовалось. Я вооружилась поваренной книгой и начала готовить изысканные блюда, а также возиться с цветочками в саду. Вадим одобрил мои начинания, радуясь, что я нашла себе занятие по душе. Сам он уезжал в девять утра и возвращался не ранее восьми, и это было хорошо. А я встречалась со своими однокурсницами и врала, будто живу у тетки, помалкивая о замужестве, подозревая, что, расскажи я о нем, сразу стану в их глазах предметом тихой зависти и мечтаний, а я-то уже хорошо знала: все эти сказки о Золушке... бред, одним словом, но об этом лучше не распространяться, чтобы не прослыть сумасшедшей.

Каждый день я получала от мужа по пятьсот рублей на карманные расходы и уже через две недели смогла отправить тетке перевод, радуясь, что хоть ей будет какая-то польза от моего замужества. На мое предложение навестить тетку Вадим охотно согласился.

– Только, знаешь, не рассказывай ей ничего. И приглашать ее к нам не надо. Если честно, мне эти родственники... я к своей матери езжу раз в год, и то будто на каторгу. Там сестрица с пьяницей-мужем, я только и слышу: Вадим, помоги Валеньке, надо племянницу пристроить, то, се... У нас своя семья, а родственники... лучше бы их и не было вовсе.

В общем, тете Любе я рассказывала о нашей жизни на съемной квартире, работе Вадима и грядущих перспективах. Тетка радовалась, подруги пребывали в обалдении, в основном потому, что не могли понять, чего мне еще надо для полного счастья! В конце концов, и я задалась этим вопросом, вспомнила, что никогда не могла влюбиться по-настоящему ни в одного мужика, и решила – я просто на это не способна. Следовательно, мне очень даже повезло: у меня есть муж, неплохой человек, который прекрасно ко мне относится.

В этом месте моих размышлений у меня, как правило, сводило челюсть, но я брала себя в руки.

Пришел сентябрь, и жить стало веселее, с утра я убегала в институт и возвращалась чуть раньше Вадима, чтобы как раз успеть приготовить ужин. Однажды он позвонил мне на мобильный и очень удивился, не застав меня дома.

– Где ты?

– В институте, – ответила я.

– А чего так поздно?

– Вовсе нет. Я работаю до половины шестого.

– Работаешь? – Он вроде растерялся и скороговоркой закончил: – Вечером поговорим.

– Малыш, тебе вовсе не обязательно работать, – задушевно начал он после ужина.

– Должны же у меня быть свои деньги, – пожала я плечами.

– А сколько тебе платят?

– Полторы тысячи.

– В неделю?

– В месяц.

Он закатил глаза.

– Слушай, мой годовой доход исчисляется числом с шестью нулями, в долларах, разумеется. На кой черт тебе эти полторы тысячи?

– Не могу же я просить у тебя деньги на всякие мелочи?

– Я же даю тебе по пятьсот рублей в день. Если мало, скажи: я буду давать тебе больше. Кстати, а на что ты их тратишь?

– Тетке отправляю. Она же все свои деньги на свадьбу потратила.

– Да, – нахмурился Вадим. – Как-то неправильно мы живем, я вот даже не знал, что ты работаешь, и тетка... Слушай, а одежда у тебя есть? – неожиданно спросил он.

– Конечно, – удивилась я.

– Да? – Он вроде бы усомнился.

– И куртка есть, и кроссовки.

– Ангелина Сергеевна мне что-то такое говорила... – Ангелина Сергеевна – это наша домработница. – Завтра в три я заеду за тобой в институт, пройдемся по магазинам.

– Да у меня все есть, – испугалась я.

Мне не хотелось ехать с ним в магазины и уж совсем не хотелось, чтобы он появился возле института на своей роскошной тачке, я-то всегда добиралась до места учебы троллейбусом. Но он остался глух к моим словам, правда, мне удалось договориться о встрече на остановке, и после занятий, с трудом отделавшись от девчонок, я ждала его там.

Поход в магазин удовольствия мне не доставил. То, что нравилось Вадиму, совершенно не нравилось мне, и наоборот. Когда он вознамерился купить мне норковую шубу, я долго отнекивалась, а в заключение разревелась от отчаяния – манто нужно мне было так же, как собаке галстук, в студенческой среде шубы не приветствовались, и я испугалась, что попросту растеряю друзей, если начну одеваться так, как хотел мой муж. Сошлись на меховой куртке, и я вздохнула с облегчением.

В дорожном салоне Вадим сидел в кресле, в окружении лебезящих продавщиц пил кофе и явно воображал себя Ричардом Гиром в фильме «Красотка». Я этот фильм терпеть не могу и, быстро уловив некую схожесть, разозлилась, потому что муж, сам того не желая, заставил меня почувствовать себя продажной девкой. Самое неприятное, что, по большому счету, так оно и было.

В институте очень скоро заметили перемены во мне: в общаге я не жила и компаний сторонилась. Со сменой паспорта я затягивала, как могла, но пришлось-таки его менять. После этого разговоры о тетке не имели смысла, и я созналась, что вышла замуж. Мужская половина нашей тусовки восприняла это с неудовольствием, женщины – с любопытством. Мое нежелание демонстрировать мужа подогревало интерес, а вслед за этим по институту поползли слухи, будто муж у меня страшился и алкоголик, в общем, замуж я вышла крайне неудачно. Недругами это было воспринято с удовлетворением. По ходу выяснилось: многие из них считали, что я слишком задираю нос и алкоголик послан мне за выпендреж. Меня данная версия вполне удовлетворила, это все-таки лучше, чем муж-олигарх, а человек с годовым доходом с шестью нулями иначе моими подругами восприниматься не мог.

В остальном моя жизнь мало чем отличалась от прежней: учеба, работа (я настояла, что до конца учебного года буду работать, так как замену мне найти нелегко), в субботу мы отправлялись к тетке, где нас встречали пирогами и борщом. Вадим мог целыми днями валяться на диване, а я болтала с девчонками на кухне, отпускать меня одну куда-то он не любил. Ни с кем из его родни, друзьями или просто знакомыми я за четыре месяца ни разу не встретилась, если не считать водителя, который был свидетелем на нашей свадьбе. Хотя какие-то люди иногда звонили, и Вадим подолгу с ними разговаривал.

Отсутствие общих друзей меня тоже вполне устраивало, я подозревала, что тем для бесед у нас попросту не будет. Надо признать, в то время я редко задумывалась о своей дальнейшей жизни. Я ждала защиты диплома, а уж потом... что будет потом, виделось неясно. Иногда я принималась мечтать по привычке и ловила себя на мысли, что Вадиму в этих мечтах просто нет места. Порой это беспокоило меня, но чаще я не задумывалась над этим, мечты – это ведь просто мечты. Я начисто забыла, что они иногда имеют свойство сбываться, но результат зачастую далек от ожидаемого.

В конце декабря в нашем доме впервые появились приятели Вадима. Было это так. Вадим позвонил с работы и предупредил, что приедет не один. Я бросилась на кухню, ведь я с детства усвоила, что гостей надо встречать хлебосольно, и к тому моменту, когда в дверь позвонили, стол у меня был накрыт. Я распахнула дверь (по причине позднего времени Ангелина Сергеевна давно отбыла домой) и обнаружила на пороге четверых нетрезвых мужчин, одним из которых был мой муж. Вадим пробормотал что-то вроде: «Малыш, извини, мы немного выпили» – и прошел в холл, его друзья так и остались стоять на пороге с вытянутыми лицами.

– Заходите, – замахал им рукой Вадим, и они вошли, переглядываясь. Сняли пальто, и я повесила их в шкаф, а затем проводила гостей на кухню. Мужчины охнули, ахнули и, устроившись за столом, стали выпивать. Я, убедившись, что все в порядке, тихо снялась с места и направилась в соседнюю комнату, оставив дверь открытой на тот случай, если им что-то понадобится. К их разговору я не прислушивалась, но не могла не обратить внимание на реплику одного из гостей.

– И где такие девки водятся? – спросил он.

– Места надо знать, – ответил мой муж.

– Нет, серьезно, – не унимался гость, звали его Сергей Петрович. – Я-то думал, ты завел себе какую-нибудь страшиллу, чтоб дома сидела и не вякала, а тут такая красавица.

Мужа понесло, он стал перечислять мои достоинства, назвав меня тихой, как мышка, кроткой, как ангел, на редкость покладистой, особенно упирая на то, что ничего ему это счастье не стоит, я довольна малыми деньгами, не попрошайничаю и даже к тряпкам совершенно равнодушна.

– Прикинь, она мне обходится в сущие копейки, так она еще из этих денег тетке умудряется помогать. Родни, кроме этой самой тетки, у нее никакой, есть, правда, мать, но она дочь еще в детстве своей сестре сбагрила, так что полный ажур. Закончит свой дурацкий институт, сделаю ей двоих детей, и жизнь, считай, удалась.

– Повезло тебе, – согласно закивали все трое.

– Повезло... – фыркнул Вадим. – Надо знать, чего ты хочешь от жизни. Все эти стервы с метровыми ногтями у меня уже в печенках, а эта на меня только что не молится, и вовсе не из-за моих бабок, воспитание такое, что муж сказал – то закон.

Последовал дружный вздох.

– Нет, серьезно, где ты ее откопал? – не унимался Сергей Петрович.

– В Мухосранске, где же еще, – загоготал Вадим. – То есть в Усольске. Только в глубинке такие и остались. Я, между прочим, экспедицию организовал по районным городишкам, и уже во втором мне повезло. – Далее Вадим поведал историю нашего знакомства. – Вы бы видели лицо девчонки, когда я ее сюда привез.

– Представляем, – дружно загоготали все трое.

– Я никуда ее с собой не беру, чтоб ваши крашенные стервы мне девку не испортили.

– Это точно: бабы такой народ, мигом научат, как превратить жизнь мужа в сущий ад.

– Нет, моя не такая. Ей бы все книжки читать.

– А как она в постели? – спросил неугомонный Сергей Петрович, и мой муж с воодушевлением начал повествовать.

«Идиот», – мысленно покачала я головой, пытаюсь решить, все мужики придурки или мне такой достался. Эти четверо точно были придурками, перебивая друг друга, рассказывали о своих женах такое, о чем разумный человек предпочел бы молчать, причем двое из них жен иначе, как стервами, не называли. А я вспомнила историю, почерпнутую у Геродота. Один царь тоже расхваливал достоинства своей жены и нашел кому – собственному советнику. Тот был поумнее царя и от таких разговоров впадал в столбняк, а царь решил, что он в его словах сомневается, и настоял на том, чтобы советник пришел в спальню, укрылся за портьерой и сам в его словах убедился, при этом уверил его, что жена ничего не заметит. Но жена, конечно, заметила. Поступок придурковатого мужа ее разозлил, и она вскоре пригласила советника к себе и поставила перед фактом: либо она сейчас заорет в голос и обвинит его в попытке изнасилования, либо он зарежет ее мужа-идиота и сам станет царем, женившись на ней. Размышлял он недолго, и одну династию сменила другая. Новый царь достоинствами жены хвастать остерегался.

Я с прискорбием подумала, что люди редко учатся на чужих ошибках. Какого хрена, спрашивается, столько народу книжки пишет, а еще больше их читает? Вопрос оказался из разряда риторических.

Отбыли гости часа в два ночи. С трудом стоявшего на ногах Вадима я сопровождала в спальню, где он проспал до утра, сотрясая дом громким храпом.

С Геродотом я напроорочила, потому что друзья Вадима после этого случая к нам зачастили и поглядывали на меня весьма красноречиво. Может, я тихая мышка из Мухосранска, но

взгляды мужчин понимала без перевода. Вадим всей этой крысиной возни вроде бы не замечал, а мне и вовсе это было ни к чему.

На Новый год мы уехали в Австрию, потом как-то вдруг пришла весна, и я забеспокоилась. Скоро я получу диплом, и что дальше? Никаких идей на этот счет не было, но мысль о том, что я проведу с Вадимом всю свою жизнь, теперь вызвала легкую панику. Тут он заговорил о детях, и паника моя начала перерастать в тихий ужас. Странно, что о разводе я ни разу не подумала, наверное, потому, что считала себя виноватой: замуж я шла по собственному желанию, никто меня не принуждал. А еще была мысль, что все вокруг живут точно так же и любви, о которой я мечтала, вовсе нет. Еще один великолепный миф: все о ней трендят, но никто ничего похожего не испытывал.

После поездки в Австрию Вадим стал брать меня с собой на различные тусовки. Подозреваю, он мною гордился. При этом зорко следил за тем, чтобы я ни с кем из женщин его круга не подружилась. Зря напрягался, никто из них меня не интересовал. На приемах я старалась быть незаметной, чем очень радовала мужа. Его друзья между тем перешли от взглядов к туманным намекам. Я глупо улыбалась всем и каждому, выжидая, когда им это надоест. Однако их это вовсе не останавливало и даже наоборот, что повергло меня в изумление. Еще большее изумление вскоре начал вызывать у меня муж. Хотя он и жаловался на предыдущих жен, всю костеря их за жадность и нелюбовь к нему, но, по сути, считал, что все женщины как раз таковыми и должны быть. Теперь он нервничал, когда я отказывалась от подарков, злился, что я не желаю оставить работу, и поражался тому, как это женщина может не любить беготню по магазинам. То есть упорно хотел превратить меня в ту самую крашеную стерву с метровыми ногтями. Когда я попробовала намекнуть ему на это, он удивился и даже обиделся, но на некоторое время оставил меня в покое. На день рождения он подарил мне машину, и я не смогла ему сказать, что она мне совершенно не нужна. Машина стояла в гараже, а я продолжала ездить на троллейбусе, пока Вадим не начал громко возмущаться и самолично не записал меня на курсы вождения, что было весьма некстати – ведь я готовилась к защите диплома.

Диплом я защитила и экзамены по вождению сдала, и теперь время от времени машина покидала гараж: я каталась по городу, чтобы сделать мужу приятное.

В один из таких дней я заглянула в супермаркет купить оливок, которые так любил мой муж, и уже собиралась сесть в машину, как вдруг услышала:

– Привет. – И рядом с соседним «Лексусом» обнаружила мужчину, который радостно мне улыбался. Машина была другая, но парня я узнала сразу. И даже имя вспомнила – Сергей. Около года назад мы с ним познакомились, когда я намывала полы на богатой даче.

– Как дела, Матрена? – засмеялся он.

– По-разному, в основном неплохо.

Я села в машину, собираясь уехать, но он подошел и придержал дверь.

– Как тебя на самом деле зовут, красавица?

– Матреной и зовут, – ответила я.

– Да ладно, – покачал он головой и вздохнул: – Что, так и не скажешь? – Я промолчала. –

Понятно. Тачка твоя?

– Мужа.

– А муж у нас кто?

– Муж у нас муж.

– Я ж все равно узнаю, номера пробить дело двух минут.

– Валяй, если делать нечего. – Дверь я все-таки захлопнула и поехала со стоянки, наблюдая в зеркало, как Сергей с усмешкой смотрит мне вслед.

Эта встреча вызвала у меня странное беспокойство, и вовсе не достоинства Сергея, что когда-то произвели на меня впечатление, были тому причиной. Раз записав человека в прикурки, я редко изменяла свое мнение. Я поспешила выбросить Сергея из головы, но где-то

там, в некоем мировом механизме причинно-следственных связей, какая-то крохотная шестеренка уже сдвинулась с места, и жизнь моя легонько уклонилась в сторону, пока еще совсем незаметно и едва-едва ощутимо.

Получив долгожданный диплом, я начала искать работу, и тут выяснилось, что наши с Вадимом взгляды на дальнейшую жизнь существенно расходятся.

– Зачем тебе работа? – с удивлением спросил он.

– В каком смысле? – растерялась я.

Он нахмурился.

– Я согласен, что высшее образование необходимо, ты его получила, но теперь... Ты ведь не собираешься идти работать в школу?

Как раз туда я и собиралась, о чем и сообщила ему, уже зная, что мои намерения вызовут резкий протест.

– Я даже слышать об этом не хочу, – ответил он. – Ты будешь целыми днями торчать в школе за жалкие гроши.

Я выразила сожаление, что в нашей стране труд педагога оплачивается столь скудно, чем вызвала настоящий гнев мужа. Часа два мы увлеченно скандалили, после чего, желая прекратить все это, я сказала:

– Хорошо, я подыщу себе другую работу. Уверена, что-нибудь найдется.

– Тебе надо думать об ином. Скоро год, как мы вместе, и я хочу ребенка.

В груди у меня неприятно екнуло. Где-то когда-то прочитав, что рожать от нелюбимых мужчин грешно, я свято в это поверила и теперь ощутила легкую панику.

– Как этому может помешать работа? – буркнула я. Вадим посуровел еще больше.

– У тебя и так много дел.

Этот аргумент меня удивил, потому что ничем полезным, по собственному убеждению, я не занималась.

– Что ты имеешь в виду?

Объяснить внятно он не сумел и закончил разговор банально:

– Твое дело мужа ждать с работы. И детей рожать.

«Кухня, дети, церковь», – мысленно повторила я известную формулу и попыталась решить, нравится ли мне это. Мне это совсем не нравилось. И дело даже не в формуле, дело в самом Вадиме. «Пришло время с ним развестись, – напомнила я себе. – Вот и предлог: он не позволяет мне делать то, что я считаю совершенно необходимым». И с того дня мягко, но настойчиво я давала понять, что менять свои намерения не собираюсь. В запасе у меня был веский аргумент: я выходила замуж за простого парня, а не за денежный мешок, у которого свои взгляды на жизнь, весьма далекие от моих. Не стоило ему мне врать... в этом месте я начинала чувствовать неловкость, потому что честностью похвастать и сама не могла.

Как ни странно, этот довод подействовал, Вадим сдался и сам помог мне с работой. Я устроилась менеджером в небольшую, но довольно серьезную фирму. Через месяц стало ясно: Вадим опять смухлевал, фирма принадлежала ему, а в моей должности не было никакой необходимости. Мало того, сослуживцы, которые это все знали гораздо лучше меня, восприняли мое появление весьма своеобразно: решили, что я здесь для того, чтобы шпионить за ними. Генеральный директор при виде меня натужно улыбался, остальные замолкали на середине фразы. В общем, ни на работе, ни дома счастьем и не пахло. Я пыталась понять, что мешает мне уйти от Вадима, ничего ему не объясняя и не подыскивая предлога, и не могла. Скорее всего, это был стыд, стыд за собственную глупость, за то, что я восприняла жизнь как игру, а когда игра завела меня слишком далеко, не прекратила все это и продолжала искать себе оправдания, прекрасно сознавая, что меня затягивает в эту муть, точно в трясину. И чем дальше, тем страшнее.

Мне не с кем было обсудить все это. Девчонки категорически отказывались меня понимать, хмуро отвечая «ты просто с жиру бесишься», о том, чтобы рассказать все тетке, не могло быть и речи, она была уверена, что раз я вышла замуж за хорошего парня, непьющего, работающего, то просто обязана быть счастлива. Заикнись я о своей нелюбви, сразу нарвусь на обвинение, что я вылитая мамаша, той тоже нужна была любовь, а теперь на руках у нее куча детей, которых, между прочим, кормить надо, и муж-алкоголик. К тетке в последнее время мы ездили нечасто. Ее это вполне устраивало: благополучно выдав меня замуж, она вновь нашла себе старца и трепетно за ним ухаживала, тратя на него и пенсию, и свои скудные сбережения.

Дошло до того, что я однажды разговорилась с совершенно незнакомой женщиной. Мы ждали своей очереди к стоматологу, она что-то сказала, я ответила и сама не заметила, как выложила ей все, что меня мучило, всерьез надеясь, что она вдруг укажет мне правильный путь.

– Любовь – это хорошо, когда деньги есть, – вздохнула она, внимательно меня выслушав. – Ты еще совсем ребенок, многого не понимаешь. С мужем разводиться не спеши. Одной-то не сладко. Да и где она, эта любовь? Вот встретишь ее, тогда и мужа бросишь.

Я разозлилась, но смолчала. Поделом мне, нечего к людям в очереди приставать. Я знала – все, что она говорит, неправильно, но в душу вновь закралось сомнение: что, если любви действительно не существует? Я продолжала жить в каком-то оцепенении, а по ночам мне снилось: я блуждаю в тумане, ноги вязнут в болоте, я бреду, не зная, куда хочу попасть, и возвращаюсь к исходной точке. Дни были продолжением моих снов.

В начале октября муж позвонил мне на работу:

– Я заеду часа в два, нужно заскочить в одно место.

Надо так надо. Я вообще редко задавала ему вопросы в таких случаях, обошлась и сейчас. В офис он заходить не стал, ждал меня в машине.

Через полчаса мы остановились возле неприметного здания в центре, весь фасад которого был увешан табличками с названием фирм.

– Тебе надо будет подписать кое-какие бумаги, – на ходу объяснил муж.

– Бумаги? – удивилась я.

– Да. Я кое-что продаю из нашей недвижимости, необходимо твое согласие. Это пустая формальность.

В кабинете нас ждали трое: тучная женщина с очень серьезным лицом и двое мужчин. С женщиной мы обменялись короткими репликами. Вадим представил первого мужчину, второй поднялся навстречу и представился сам:

– Истомин Валерий Павлович. – Я назвалась, он поклонился и сказал: – Очень приятно.

Имя было мне знакомо. Кажется, он адвокат. В компании моего мужа, вспоминая о нем, неизменно добавляли: «Ловок, сукин сын». Оттого я разглядывала его с любопытством. Лет тридцати пяти, о таких принято говорить «интересный мужчина». Невысокий, но хорошо сложен, элегантный костюм, лицо, внушающее доверие. Каждое его слово, даже самое обычное, звучит значительно. Светлые глаза смотрят серьезно, приятная улыбка. Рядом с таким человеком женщина должна чувствовать себя как за каменной стеной. Мне он понравился.

– У нас мало времени, – сказал мой муж.

Женщина согласно кивнула.

Передо мной оказалась стопка бумаг, мне не дали времени прочесть, что там написано, да мне и не интересно было. Муж тыкал пальцем в нужных местах, а я быстро расписывалась. Адвокат собрал бумаги, сунул их в папку, они быстро переглянулись с моим мужем, и тот едва заметно кивнул.

– Встретимся через час, – сказал Вадим. – Я только отвезу Лину на работу.

Как и мои подруги, он называет меня Линой, хотя твердит, что Селина ему тоже очень нравится.

- Ты сегодня задержишься? – спросила я, когда мы уже подъехали к офису.
- Нет, встречу тебя с работы. Поужинаем где-нибудь и поедем домой.
- Почему мы ужинаем не дома, у нас какой-то праздник?
- Просто я приглашаю тебя в ресторан, – улыбнулся он и поцеловал меня на прощание.

Поужинав, мы минут тридцать прогуливались в центре города, оставив машину на стоянке ресторана. Вадим обнял меня и вдруг сказал тихо:

– Знаешь, что пришло мне в голову? Я совершенно счастлив. Я даже никогда и представить не мог, что у меня будет такая жизнь. И все благодаря тебе. – Я улыбнулась, пытаюсь отгадать, что такого счастливого он нашел в нашей жизни? – Единственное, о чем я теперь мечтаю, – продолжал он, – так это о наследнике. Я хочу, чтобы у нас было много детей, трое или даже четверо. Как ты на это смотришь?

Я засмеялась, прижимаясь к нему, а он поцеловал меня, что избавило меня от необходимости отвечать. «Счастье – это очень просто, – думала я, возвращаясь домой. – Хороший муж и много детей. Хороший муж, который не пьет и зарабатывает деньги, приглашает тебя поужинать в ресторан и иногда говорит, что он счастлив. Рожу ему детей и тоже буду счастлива». На какое-то время мне удалось убедить себя, что все так и есть.

Разговоры мужа о наследнике больше не вызывали у меня уныния, я охотно поддерживала эту тему и дала себе слово сходить к гинекологу, иначе забеременеть я вряд ли смогу, по крайней мере, меня в этом клятвенно заверяли, но мужу я ничего не говорила. Дни проходили за днями, а я свое намерение так и не исполнила.

Новый год мы вновь встречали за границей. Однажды утром я встала и неожиданно подумала: «Как стремительно проходит жизнь, мне кажется, что моя уже прошла, и я не живу, а доживаю». Станные мысли для двадцатитрехлетней девушки.

Тут надо сказать, что после нашего возвращения из-за границы у нас часто стал появляться Истомин. Иногда я ловила на себе его взгляд, весьма настойчивый, но это был не тот раздевающий взгляд, к которым я успела привыкнуть. Скорее в нем было любопытство, а еще сомнение. И слушал меня он всегда внимательно, хотя, по большей части, в компании я молчала, успешно заменяя слова улыбкой, и охотно смеялась мужниным шуткам.

– Вадик, тебе здорово повезло с женой, – пьяно кивали его друзья.

Но почему-то мне казалось, что Истомин с этим не согласен. Иногда он звонил мне, болтал о всяких пустяках, что как-то не вязалось с образом чрезвычайно серьезного человека, а я гадала, чего ему от меня надо. В том, что надо, я не сомневалась. Он ни разу не произнес ничего такого, что позволило бы мне решить: Истомин, как и прочие, вознамерился уложить меня в постель. Кстати, к тому моменту многие от этой идеи вынуждены были отказаться, и я приобрела репутацию неприступной особы. «Дура деревенская, – прокомментировала как-то мое поведение жена одного из Вадимовых друзей, стоя ко мне спиной и думая, что я ничего не слышу. – Втюрилась в этого прохвоста и искренне считает, что никого лучше и на свете нет». Это позволило мне лишний раз убедиться в том, как обманчивы бывают впечатления. Иногда мне казалось, что Истомин меня экзаменует, а его редкие вопросы – некий тест, и тогда мне становилось любопытно. В общем, дружбу с ним я охотно поддерживала и, памятуя о том, что я деревенская дурочка, любила ввернуть в разговор свой вопрос, обычно на редкость глупый. В таких случаях он начинал хохотать и потом терпеливо объяснял, что и как, а взгляд его больших серых глаз становился серьезным и опасливым. Одно время я даже решила, что могу в него влюбиться, но длилось это не более двух недель. За это время я не успела наделать глупостей по причине его занятости, и мы так и остались приятелями.

Как-то, придя на работу, я получила задание от своего шефа: встретиться с клиентом.

– Я дам ему номер вашего мобильного, – предупредил шеф.

Клиент позвонил через час. Встретились мы в обеденный перерыв в кафе. Молодой мужчина со светлыми волосами ежиком показался мне очень симпатичным. Мы обсудили наши дела, а напоследок обменялись визитками. Я мельком взглянула на его карточку, прежде чем убрать ее в сумку, ниже фамилии стояла приписка: «Адвокат». Парень повертел мою в руках и вдруг спросил:

– Простите, а Козельский Вадим Эдуардович...

– Мой муж, – улыбнулась я.

– Вот как, – сказал он, мгновенно меняясь в лице, брови его сурово сдвинулись, но еще через мгновение он вновь улыбался. – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – не осталась я в долгу.

Однако, несмотря на заверения, наше расставание трогательным не было, хоть Алексей Иванович и старался быть приветливым, но его отношение ко мне по неизвестной причине изменилось.

Разумеется, это вызвало у меня любопытство. Поэтому вечером я, рассказывая мужу о событиях прошедшего дня, поведала об этой встрече и как бы между прочим упомянула фамилию.

– Нилин? – нахмурился муж. – И о чем вы с ним говорили?

– Как – о чем? – удивилась я. – О делах, конечно.

– Ты назвала свою фамилию?

– Мы обменялись визитками, так что моя фамилия ему известна. А в чем дело?

– Да ерунда, – отмахнулся Вадим. – Но все равно держись от этого типа подальше. Очень неприятный человек, у нас с ним были проблемы.

– Проблемы? – не отставала я.

– Я же сказал, ерунда. Позвоню твоему начальству, пусть кто-нибудь другой имеет с ним дело, тебе с этим Нилиным встречаться ни к чему.

Я попыталась углубиться в тему, чтобы узнать побольше, но Вадим проявил завидное упрямство, чем, конечно, только увеличил мое любопытство.

Через несколько дней мы встретились с Истоминным, и я полезла к нему с вопросами.

– Неудивительно, что твой муж не пришел в восторг от этого знакомства, – усмехнулся Валера. – Они, можно сказать, враги.

– Вот как?

– Если коротко, а подробностей я и сам не знаю, потому что в то время с твоим мужем не был знаком, Вадим когда-то начинал бизнес с отцом этого Нилина. Есть мнение, что твой муж воспользовался его доверчивостью и попросту кинул Нилина, увеличив свое состояние тем самым практически вдвое. Мужик остался без гроша. Хотя, думаю, это сильно преувеличено. Его сын считает, что Вадим виновен в смерти родителя: старик умер от инфаркта в результате всех этих переживаний. Парень даже пытался восстановить справедливость, так сказать...

– И что?

– На страже интересов твоего мужа уже стоял я, – засмеялся Валера. – Так что шансов у него практически не было. Хотя мужик он способный, и, я думаю, пройдет пара-тройка лет и...

– Он отберет у моего мужа деньги?

– Что за странная фантазия? Никто ничего у него не отберет, – и добавил с улыбкой: – Пока я этого не захочу. Просто я имел в виду, что он хороший юрист, вот и все.

То, что Вадим поступил нечестно, меня, казалось, не удивило, и это было довольно необычно. Мне сообщили, что он непорядочный человек, довел бывшего компаньона до инфаркта, а я согласно киваю в ответ. Пожалуй, меня больше бы удивило, скажи о нем Валера что-нибудь хорошее. Выходит, я сама все это время считала его непорядочным человеком или подозревала, что так оно и есть, и продолжала жить с ним?

– Не стоило мне этого рассказывать, – понаблюдав за мной, заметил Валера.

– Не беспокойся, Вадиму я ничего не скажу.

Он кивнул, и разговор на этом был закончен.

И вновь побежали дни бесконечной чередой, я с ужасом думала, что они абсолютно похожи друг на друга. По вечерам я смотрела фильмы или читала и завидовала чужой, кем-то выдуманной жизни. В моей не было ничего, заслуживающего упоминания, и я опять начинала мечтать. И опять себе напроорочила.

Все началось с того, что Вадим вдруг занервничал. Ходил хмурый, говорил мало, а когда я приставала к нему, отвечал невпопад. Без конца с кем-то совещался по телефону, иногда повышал голос, что было ему совершенно несвойственно. Истомин к нам зачастил, они подолгу обсуждали что-то, закрывшись в кабинете. Я пробовала подслушивать, совершенно этого не стыдясь, но говорили они тихо, и ничего мало-мальски стоящего мне разобрать не удалось. Отчаявшись хоть что-то выведать у мужа, я в очередной раз обратилась к Истому. Позвонила ему на мобильный и попросила о встрече.

– Нам надо поговорить. Это касается Вадима.

Он, казалось, не удивился, не задавал лишних вопросов и сообщил, что будет ждать меня после работы в баре «Три песка».

В шесть часов я вошла в бар и увидела его у стойки. Он помахал мне рукой и пошел навстречу. Прижался щекой к моей щеке и улыбнулся:

– Потрясающе выглядишь.

– Спасибо.

– Нет, серьезно. Ты необыкновенно хорошеешь, хотя отлично выглядела и в тот день, когда мы познакомились. Кстати, я прекрасно помню тот день, а ты?

– Еще бы. На тебе был костюм в тонкую полоску и розовая рубашка. Терпеть не могу розовый цвет, – засмеялась я. Он тоже засмеялся.

– Иногда я сомневаюсь в правдивости истории женитьбы Вадима, – сказал он.

– В каком смысле? – не поняла я.

– В буквальном. Кто там кому пудрил мозги, еще вопрос.

Признаться, я опешила и очень внимательно посмотрела на Валеру.

– Ты меня удивляешь.

– Серьезно? Хорошо. Пока оставим это. Так о чем ты хотела поговорить?

Мы к этому времени устроились за столиком, подошел официант, и мы сделали заказ.

– Я вижу, что-то происходит, – начала я. – Вадим сам на себя не похож. Пробовала говорить с ним – молчит. Я беспокоюсь за него, скажи, у Вадима неприятности?

– Нет, – помедлив, ответил Истомин. – Я не стал бы это так называть. Но неприятности вполне могут быть, если...

– Если что?

– Если он допустит ошибку в очередной своей афере.

– Вот как, – нахмурилась я.

– Ответь мне вот на какой вопрос, – продолжил он, внимательно глядя на меня. – Ты любишь своего мужа?

– Он мой муж.

Валера усмехнулся:

– Станный ответ.

– Чем он так странен?

– Почему бы просто не ответить «да»? Впрочем, если бы ты это сказала, я бы все равно не поверил.

Я попыталась придать своему лицу оскорбленное выражение, Валера наблюдал за моими попытками и вновь усмехнулся:

– Я думаю, нам пора поговорить начистоту.

– Валяй, раз пора. Только вот о чем?

– Ну, хотя бы о том, как доверчивы порой бывают жулики. Твой муж, к примеру. Извини, что я назвал его жуликом, но это чистая правда. На нем клейма негде ставить. И этот жулик искренне верит, что его жена – наивная дурочка, которая любит его нежно и преданно.

– А у тебя есть повод в этом сомневаться? – серьезно спросила я.

– Нет, что ты. Какой там повод, ты безукоризненна. Этот прохвост так и не понял, что получил. – Только я собралась ответить, как Валера взял меня за руку и тихо добавил: – В тебе бушует пламя, – и опять засмеялся. – Я не хотел тебя обидеть, – поспешно добавил он. – С того самого дня, как мы познакомились, я внимательно наблюдал за тобой: как и что ты говоришь, как смотришь, как двигаешься. Ты не уважаешь ни своего мужа, ни его окружение, более того... представляю, как ты мысленно хохочешь...

– Ты что, спятил? – не выдержала я.

– Я же предложил поговорить откровенно, почему бы и нет?

– Я задала тебе вопрос, а ты на него до сих пор не ответил.

Он все еще держал в руках мою ладонь, легонько поглаживал мои пальцы и улыбался.

– Уверен, детали тебя не интересуют, поэтому буду краток. Вадиму поступило очень выгодное предложение, и он с ним согласился, хотя знал, что на осуществление проекта ему понадобятся большие деньги. Свободных денег в нужном количестве у него нет, но дело исключительно перспективное, и он не собирается от него отказываться.

– И что дальше? – поторопила я.

– Выход, конечно, есть – забрать свою долю в строительной фирме, но тем самым он поставит компанию под удар, попросту ее разорит.

– Ах, вот оно что, – перевела я дух. – Значит, он мучается сомнениями...

– Ничего подобного, угрызения совести к этому никакого отношения не имеют. Он просто гадает, как обтяпать дельце половчее. Ведь его компаньоны тоже не дураки. Время идет, и кое-какие слухи, несмотря на его осторожность, просочатся. Ему надо действовать быстро, а главное – наверняка.

– В конце концов, это его деньги, – заметила я.

– Конечно. Но его новые компаньоны люди солидные и пекутся о репутации.

– Выходит, положение безвыходное?

– Отнюдь. Я посоветовал ему самый простой способ: развестись с тобой. Ты потребуешь свою законную долю, и он сможет получить деньги, не теряя лица. Знаешь, он ухватился за эту идею. Наш прощелыга полностью уверен в твоей наивности и доверчивости.

– Он уверен, а ты нет? Тогда почему ты посоветовал ему развестись со мной?

– А вот это очень хороший вопрос. Кстати, ты знаешь, что значительную часть своей собственности он уже перевел на тебя? – Истомин сверлил меня взглядом, а я, досадливо вздохнув, покачала головой.

– Теперь понятно, что я тогда подписывала.

– Тебя в самом деле не интересовало, под какими бумагами ты ставишь свою подпись? – усмехнулся он. Кажется, Истомин был не в состоянии поверить в такое, а я решила его не разочаровывать и проигнорировала вопрос. – Ты уже сейчас очень богатая женщина. А главное – сможешь самостоятельно распоряжаться очень крупной суммой денег.

Валере было невдомек, что деньги интересуют меня меньше всего.

– Отличная новость, – кивнула я, а он насторожился.

– Я же предложил разговор начистоту, – усмехнулся Истомин. – Передо мной не стоит разыгрывать наивную простушку. Ты не любишь своего мужа, и если бы он не был таким крептином, точнее, если бы дал себе труд хоть немного понаблюдать за тобой, он давно бы это понял. Тебя интересуют его деньги, других вариантов я не вижу.

– Начистоту так начистоту, – согласилась я. – Твои предложения?

– Собственно, я уже все сказал. Он разводится с тобой, и ты получаешь свою долю, а также полную свободу, милая. Послушай, как это звучит: полная свобода и большие деньги. И никакой необходимости притворяться и видеть рядом этого идиота.

– Заманчиво, – хихикнула я. – А тебе от всего этого какая польза?

– Я хочу тебя. Думаю, это не новость, верно? И кое-что позволяет мне надеяться, что мои чувства к тебе могут быть взаимны. Я ошибся?

– Нет, – покачала я головой. – Не скрою, я не раз сожалела, что мой муж Вадим, а не ты, к примеру.

– Вот видишь, как все просто, – засмеялся он, взглянул исподлобья и вновь погладил мою руку, но теперь вполне по-хозяйски.

Я широко улыбнулась и спросила:

– Скажи, ты хочешь меня или меня и его деньги?

– Детка, что плохого хотеть все сразу, тем более что деньги сами идут нам в руки? Имей в виду, без меня ты не справишься. Битва будет долгой, и мне придется потрудиться, но будь уверена, я буду биться за каждый доллар для моей красавицы. В конце концов, этот мерзавец должен получить по заслугам, он столько раз кидал людей, которые имели глупость ему довериться. Полное дерьмо твой муж.

«А ты чем лучше?» – хотелось спросить мне, но делать этого я не стала и возблагодарила своего ангела-хранителя за то, что он был настороже и не позволил мне оказаться в объятиях этого мерзавца. А я ведь всерьез помышляла об этом.

– Ну, так что ты мне скажешь? Мы договорились?

– Я обещаю, что ничего не скажу о нашем разговоре своему мужу, – ответила я.

– И это все? – хмыкнул он.

– Между прочим, я оказываю тебе услугу, чтобы ты не лишился богатого клиента.

– А ты не проста, ох как не проста... Я рад, что не ошибся в тебе.

– Мне приходится быть осторожной, и то, что сейчас я рискую...

– Рискуешь? – нахмурился он.

– Разумеется. Что, если в твоём кармане лежит диктофон и уже через пару часов мой муж прослушает запись этого разговора?

– О боже, детка... – Он покачал головой, взял мою ладонь, поцеловал ее и сказал серьезно: – Мне ты можешь доверять. Кстати, здесь есть премиальная комната на втором этаже, ты смогла бы лично убедиться, что ни в моем кармане, ни в прочих местах у меня никакого диктофона нет.

– А когда я буду этим заниматься, появится мой муж и обвинит меня в измене?

– У тебя просто мания, – покачал он головой. – Я же сказал: мне ты можешь доверять. Я хочу видеть тебя свободной женщиной и, разумеется, богатой. Ты мало что понимаешь в делах и сама захочешь, чтобы рядом был мужчина, пекущийся о твоих интересах, это позволит тебе вести счастливую и абсолютно беззаботную жизнь. И я надеюсь, что этим мужчиной буду я.

– Но до той поры я не сделаю ничего такого, что дает возможность моему мужу оставить меня без денег, так что мысли о комнате на втором этаже оставь.

– О'кей, – развел он руками. – Я все понял. Можно только еще одну фразу? – Он наклонился ко мне и прошептал: – Из нас выйдет отличная пара.

Я подмигнула ему и улыбнулась, а он захохотал.

Из бара мы выходили вместе, в темном узком пространстве между двумя дверями Истомин вдруг навалился на меня и стал целовать, шепнув:

– Здесь-то видеорекамер точно нет.

Признаться, меня передернуло от отвращения, и мой нелюбимый муж показался мне гораздо привлекательнее этого типа. На счастье, кто-то потянул уличную дверь, и Истому

пришлось уgomониться, он разом приобрел черты серьезного человека и преуспевающего адвоката, а я сладко улыбнулась ему на прощание.

Разумеется, у меня и в мыслях не было менять одного малоприятного субъекта на другого, еще менее приятного. Но ситуация вдруг показалась мне занимательной, а жизнь интересной, и я стала ждать развития событий.

Уже на следующий вечер Вадим, вернувшись с работы, усадил меня в кресло и начал с постной миной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.